

Assassin's Creed. Преисподняя

Автор:

[Оливер Боуден](#)

Assassin's Creed. Преисподняя

Оливер Боуден

Assassin's Creed #8

Лондон, 1862 год. Борьба ассасинов с тамплиерами не только не прекратилась, она разгорается с тех пор, как в нее был вовлечен юноша по прозвищу Призрак. Когда-то у него было настоящее имя – Джайдип Мир. Он рос в семье любящих родителей и воспитывался согласно кредо братства, но суровый учитель Итан Фрай обнаружил в мальчике недостаток, который помешал Джайдипу стать настоящим ассасином и заставил бежать и от семьи, и от братства на другой край земли... Однако именно ему предстоит или сокрушить лондонских тамплиеров, или молча наблюдать за их триумфом над ассасинами.

Основой для книги послужила популярная видеоигра компании «Ubisoft».

Впервые на русском языке!

Оливер Боуден

Assassin's Creed. Преисподняя

Oliver Bowden

ASSASSIN'S CREED: UNDERWORLD

© 2018 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved.

Assassin's Creed, Ubisoft and the Ubisoft logo are registered or unregistered trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

Эта книга вам понравится, даже если вы не играете в

Assassin's Creed

. В ней оживают персонажи, их вымышленные судьбы вырастают в реальную историю.

Из отзывов читателей на сайте [amazon.com](https://www.amazon.com)

Особенно радуют те моменты, которые не вошли в игру, словно открываешь ранее не замеченную дверь.

Из отзывов читателей на [ozon.ru](https://www.ozon.ru)

Часть первая

Город-призрак

1

В сумрачном углу рынка Ковент-Гарден, прислонившись к ящику, невидимый за телегами торговцев, сидел ассасин Итан Фрай. Левая рука его покоилась на

грудь, ладонь правой подпирала подбородок. Глубокий капюшон плаща скрывал голову. День неспешно переходил в вечер, а Фрай, молчаливый и неподвижный, сидел, наблюдал и ждал.

Редко кто из ассасинов отваживался вот так упираться подбородком в бойцовую руку. Особенно когда к ней прикреплен наруч со скрытым клинком, кончик которого находился всего в паре сантиметров от неприкрытого горла, как было сейчас у Итана. Ближе к локтю располагался легкий, но мощный пружинный механизм, выталкивающий стальное, невероятно острое лезвие, стоит лишь чуть качнуть запястьем. Сейчас Итан в самом прямом смысле держал себя на острие ножа.

Зачем ему это понадобилось? Ведь никто, даже ассасины, не был застрахован от несчастных случаев или сбоев механизма. Мужчин и женщин, вступавших в братство, учили держать бойцовую руку подальше от лица. Иначе подобная беспечность могла привести к позору или и того хуже – смерти.

Но Итан отличался от собратьев по ордену. Во-первых, он прекрасно владел искусством шпионажа. Подбородок, упершийся в бойцовую руку, вполне мог обмануть потенциального врага. А во-вторых, заигрывание с опасностью доставляло Итану извращенное наслаждение.

И потому он сидел, упершись подбородком в руку, наблюдал и ждал.

«А это еще что?» – встрепенулся Итан. Он мгновенно выпрямился, встряхнул затекшие мышцы. В щель между ящиками ему было видно, как торговцы убирали товар с прилавков, готовясь покинуть рынок. Но внимание ассасина привлекли вовсе не они. Кое-что еще также пришло в движение. Игра началась.

2

По переулку, неподалеку от места, где притаился Итан, остановился некий субъект по кличке Бут. На нем были поношенная охотничья куртка и измятая шляпа. Он внимательно разглядывал карманные часы, только что украденные у какого-то джентльмена.

Бут вертел в руках добычу, не зная, что как раз сегодня прежний владелец часов собирался отнести их в починку. Вполне обычное намерение, которому вскоре предстояло коренным образом изменить жизнь Итана Фрая, самого Бута, одного молодого человека, именующего себя Призраком, а также многих других, вовлеченных в извечную борьбу между орденом тамплиеров и братством ассасинов. Не знал Бут и того, что часы отставали почти на час.

Не подозревая об этом, Бут щелкнул крышкой часов, почувствовав себя вполне уважаемым человеком. Он вышел из переулочка, огляделся и двинулся в сторону рынка, где уже заканчивалась торговля. Вор шел ссутулившись, держа руки в карманах, и поминутно оглядывался – не следят ли за ним. Миновав рынок Ковент-Гарден, Бут направился к притону «Сент-Джайлз», расположенному в трущобах Олд-Никол. В этом квартале даже воздух был иным. Каблуки сапог уже не стучали по булыжникам. Они погружались в зловонное месиво из гниющих овощей и человеческих испражнений. Это месиво делало тротуары осклизлыми, а воздух – спертым. Бут прикрыл шарфом нос и рот: хоть и неполная, но все же защита.

Вдруг рядом с воришкой возник оголодавший пес и потрусил сбоку. Впалое пузо, просвечивающие ребра, воспаленные глаза. Пес умоляюще посмотрел на Бута, но тот угостил его лишь пинком. Четвероногий попрошайка проворно отскочил и исчез. Неподалеку в проеме открытой двери сидела женщина. Ее одежда состояла из лохмотьев, подвязанных веревкой. Женщина прижимала к груди младенца и смотрела на Бута остекленевшими, мертвыми, «трущобными» глазами. Возможно, она была матерью юной проститутки и сейчас ждала, когда дочь вернется с заработком. И горе несчастной девчонке, если явится домой с пустыми руками. А может, эта женщина с ребенком заправляет шайкой воров и сладкоречивых вымогателей, которые вот-вот принесут ей дневную добычу. Или же она – хозяйка одной из многочисленных ночлежек. Большие дома, в которых некогда жила знать, со временем разделили на квартиры и комнаты, сдавая тем, кому требовалась крыша над головой – беглым каторжникам и семьям со скудным достатком, проституткам, торговцам и рабочим. Тем, кто платил подороже, доставалась кровать, остальным – место на полу. Большинство ночевало на матрасах, набитых соломой или опилками. Нельзя сказать, чтобы жуткая теснота и детские вопли среди ночи способствовали крепкому сну постояльцев.

Заметная часть населения трущоб не могла или не хотела работать, но большинство где-то работало. Кто натаскивал собак, кто ловил птиц. Иные

торговали луком, водяным крессом, сельдью или разной мелкой рыбешкой. Хватало лотошников и подметал, подавальщиков в дешевых кофейнях, расклейщиков афиш и тех, кто таскал плакаты с разными объявлениями. Свои товары и орудия ремесла они, как правило, хранили там же, где жили, что лишь усиливало тесноту и скученность, а также добавляло зловония. На ночь двери домов запирались, разбитые окна затыкались тряпьем или газетами из-за ядовитой атмосферы ночного Лондона. Говорили, что от дыма в ночном воздухе задохнулись целые семьи. Во всяком случае, ходили такие слухи – а в трущобах быстрее болезни распространялись только они. Флоренс Найтингейл[1 - Известная английская просветительница XIX века, немало сделавшая для организации и развития службы сестер милосердия. (Здесь и далее примечания переводчика.)] могла бы целыми сутками выступать перед здешними обитателями с лекциями о гигиене, и все равно они бы ложились спать, плотно законопатив окна.

«Вряд ли их можно за это упрекать», – думал Бут. Если живешь в трущобах, шансы загреметь на тот свет велики. Болезни и насилие цвели здесь пышным цветом. Маленьких детей вполне могли задушить во сне собственные родители, неудачно повернувшись и придавив ребенка своим телом. Чаще такое случалось накануне выходных. Тогда все, на что хватало денег, было уже выпито, и после закрытия пивной чьи-то родители нетвердой походкой брели домой. Они поднимались по осклизлым ступеням, толкали дверь, оказываясь в душном зловонии комнаты, где наконец-то могли преклонить головы и уснуть...

А утром, когда солнце уже поднялось, но еще не успело разогнать смог, трущобы оглашались стенаниями осиротевших бедолаг.

Бут все дальше углублялся в лабиринты Олд-Никол. Здесь высокие здания заслоняли скудный свет луны, а пелена тумана делала свет редких фонарей зловещим. Из какой-то пивнушки доносилось хриплое пение. Когда дверь заведения открывалась, впуская или выпуская посетителей, пьяные вопли делались громче.

Но на этой улице заведений не было. Только двери и окна, заткнутые газетами. На веревках, натянутых между домами, сушилось белье, и сейчас застиранные простыни были похожи на паруса кораблей. Издали доносилось нестройное пение, где-то шумела вода. Было так тихо, что Бут слышал свое дыхание. Он был... совершенно один.

По крайней мере, так ему казалось.

Теперь даже пение смолкло. Остался лишь звук капающей воды.

Еще через мгновение послышался шорох, заставивший Бута подпрыгнуть.

- Кто здесь? - громко спросил он, уже зная ответ.

Крыса. Всего-навсего крыса. И даже она покажется красоткой, если за секунду до этого от страха ты чуть не наложил в штаны.

Воришка успел испытать мимолетное облегчение, прежде чем звук повторился. Бут резко повернулся, и плотный спертый воздух колыхнулся вслед за ним. Затем туман немного разошелся, словно раздвинули половинки портьер. Буту показалось, что он различил в тумане какую-то фигуру... Но быть может, это лишь обман зрения?

Потом воришке почудилось, будто он слышит чужое дыхание. Его собственное было коротким и поверхностным, почти напоминающим спазмы. А чужое - громким и равномерным. Вот только откуда оно доносилось? Вроде бы спереди. Нет, сзади. Опять этот шорох. Громкий звук, от которого внутри Бута все замерло, был всего лишь звуком хлопнувшей двери на верхнем этаже одного из соседних домов. Там началась словесная перепалка. Жена кричала на мужа, снова вернувшегося пьяным. Нет, это муж кричал на жену, поскольку пьяной вернулась она. Бут слегка улыбнулся. Звуки чужой ссоры несколько успокоили его, притушив недавние страхи.

Воришка повернулся, готовый продолжать путь. Но в этот момент туман впереди заколыхался и оттуда появилась фигура в плаще. Бут не успел и глазом моргнуть, как незнакомец схватил его и отвел свою руку, словно для удара. Однако его не последовало. Незнакомец качнул запястьем, и из рукава с мягким щелчком выпорхнуло лезвие.

Бут зажмурился, потом, не выдержав, снова открыл глаза. Незнакомец никуда не исчез. Лезвие его кинжала застыло в паре сантиметров от глаза неудачливого воришки.

И тут уж Бут наложил в штаны в буквальном смысле слова.

3

Итан Фрай немного полюбовался точностью проведенного маневра, затем опрокинул Бута на грязные камни мостовой. Сам же ассасин опустился на корточки, придавив свою жертву коленями и приставив к ее горлу скрытый клинок.

– А теперь, дружище, почему бы вам не назвать себя? – с улыбкой спросил Итан.

– Меня зовут Бутом, сэр, – пропищала жертва, чувствуя, как острие больно впивается в кожу.

– Умница, – похвалил Итан. – Правда – это всегда хорошо. Не возражаете, если мы немного поговорим?

Бут вздрогнул. Итан расценил это как знак согласия.

– Вас отправили за фотопластинкой. Я прав, мистер Бут?

Бут снова дернулся всем телом. Итан счел это вторым «да». Пока все шло нормально. Сведения, имевшиеся у Фрая, были надежными: Бут являлся одним из звеньев цепи, которая снабжала порнографическими картинками ряд лондонских пабов.

– Если я не ошибаюсь, вы спешили к Джеку Симмонсу, чтобы забрать у него означенную фотопластинку?

Бут кивнул.

– А как зовут человека, с которым вы должны были встретиться после?

– Я... я не знаю, сэр.

Итан улыбнулся и еще ниже склонился над Бутом:

– Мой дорогой мальчик, вран из вас еще более никудышный, чем курьер. – Фрай сильнее надавил на лезвие. – Вы чувствуете острие моего клинка?

Бут заморгал, показывая, что понимает.

– Он упирается в артерию. В вашу сонную артерию. Если я ее вскрою, вы, дружище, окрасите весь город в красный цвет. Во всяком случае, этот кусок улицы – наверняка. Однако вы не хотите, чтобы я так поступил. Я и сам не хочу. Зачем же портить такой прекрасный вечер? И потому вместо нелепой смерти почему бы вам не рассказать мне, с кем вы собирались встретиться?

– Если я скажу, он меня убьет, – заморгал Бут.

– Возможно. Но если не скажете, вас убью я. И сейчас лезвие у вашего горла держу я, а не он.

Итан надавил еще сильнее:

– Делайте выбор, дружище. Решайте, умереть вам сейчас или потом.

В это мгновение слева от Итана что-то зашумело. Не прошло и полсекунды, как в другой его руке оказался кольт, сдернутый с пояса. Скрытый клинок никуда не делся от горла Бута. Револьвер был нацелен на источник шума.

Им оказалась девчонка лет шести или семи, возвращавшаяся от колодца. Она смотрела на Итана широко раскрытыми глазами, держа в руках ведро, до краев наполненное грязноватой водой.

– Прошу прощения, юная мисс. Я вовсе не хотел вас напугать, – улыбнулся Итан.

Он мгновенно спрятал револьвер и показал девочке пустую руку, убеждая, что ей нечего бояться.

– Я причиняю вред только негодьям и ворами вроде этого человека. Полагаю, дома тебя уже заждались.

Итан кивнул, показывая девчонке, чтобы шла своей дорогой, но она не трогалась с места. И лишь смотрела на взрослых полными страха глазами, которые на фоне чумазого лица казались белыми.

Итан мысленно выругался. Меньше всего он нуждался в зрителях, особенно таких, как эта девчонка, безотрывно глядящая на лезвие у горла Бута.

– Вот что, мистер Бут, – понизив голос, сказал Итан, – ситуация изменилась, и теперь я настаиваю, чтобы вы немедленно назвали мне имя того, с кем собирались встретиться...

Бут открыл рот. Возможно, он готовился сообщить Итану требуемые сведения. А может, осмелев перед смертью, решил сказать, куда Итан может засунуть свои угрозы. Но, вероятнее всего, он стал бы хныкать и утверждать, что не знает.

Итану было не суждено услышать ответ. Едва только Бут попытался заговорить, его лицо разлетелось в клочья.

Мгновением позже Итан услышал выстрел. Ассасин отскочил от мертвого Бута, выхватил револьвер, и в этот момент грянул второй выстрел. Итан слишком поздно вспомнил про девчонку и, повернувшись в ее сторону, только и успел заметить, как она оседает на землю. По ее платьишку расплывалось красное пятно. Потом несчастная выронила ведро и замертво рухнула на грязные булыжники. Пуля, сразившая ее, предназначалась Итану.

Ассасин не решился на ответный выстрел, боясь увеличить число невинных жертв. Ведь где-то поблизости могли оказаться другие люди. Он припал к земле, замер, внутренне собрался и приготовился к третьему выстрелу противника.

Однако его не последовало. Противник пустился в бег. Итан вытер с лица осколки костей и сгустки мозгов Бута, убрал кольт, задвинул клинок, после чего прыгнул на стену. Его сапоги едва успели коснуться влажных кирпичей, как он уже схватился за водосточную трубу и вылез на крышу дома. Здесь было светлее. К тому же, передвигаясь по крышам, Итану было легче преследовать пытавшегося скрыться стрелка. По крышам он пришел в трущобы, по крышам и уйдет. Ассасин перепрыгивал с крыши на крышу. Он пересекал мир трущоб, молчаливо и безжалостно преследуя неведомого противника. Перед мысленным взором Итана стояла чумазая девчонка, словно ее образ впустили ему в мозг, а в

ноздрях до сих пор ощущался металлический запах мозгов Бута.

Сейчас, однако, Итана занимало только одно: убийца еще до полуночи должен испытать на себе остроту скрытого клинка.

Стрелок торопился поскорее выбраться из тущоб. Его сапоги то стучали по булыжникам, то плюхали, попадая в лужи. Итан неотступно следовал за ним. Самого противника он не видел, но знал, что теперь уже убийце от него не уйти. Итан добрался до края крыши. Убедившись, что направление выбрано правильно, он стал быстро спускаться, цепляясь за наружные подоконники. Спрыгнув вниз, Итан вжался в стену и замер.

Убийца появился через считанные секунды. А чуть раньше завеса тумана поднялась, словно театральная занавес, и в новой «мизансцене» перед Итаном появился человек в твидовом костюме. У него были пышные усы и такие же пышные бакенбарды.

В руках он держал пистолет, ствол которого не дымился, но вполне мог бы.

И хотя позже Итан скажет Джорджу Уэстхаусу, что убил стрелка в рамках самозащиты, это будет правдой лишь отчасти. У Итана было преимущество – внезапность. Он мог бы (и должен был бы) обезоружить противника, допросить и лишь потом убить. А вместо этого он, пробормотав что-то об отмщении, ударил убийцу клинком в сердце и удовлетворенно наблюдал, как у того стекленеют глаза.

Убийство усатого незнакомца ассасином Итаном Фраем было ошибкой. Безрассудством.

С Джорджем Уэстхаусом Итан встретился на следующий день.

– Моим намерением было выудить из Бута все необходимые сведения и занять его место, – закончил пересказ вчерашних событий Итан. – Я и понятия не имел, что Бут опоздает на встречу. Подвели часы, которые он перед этим украл. Отставали почти на час.

Джордж жил в Кройдоне. Разговор этот происходил в гостиной его дома.

- Так, - сказал он, выслушав рассказ. - И в какой момент ты это понял?

- Ну, точно не скажу. Скорее всего, это был момент, когда уже слишком поздно что-то менять.

Джордж кивнул и задал новый вопрос:

- А огнестрельное оружие было какой марки?

- Обычный кольт с Пэлл-Мэлл[2 - На лондонской улице Пэлл-Мэлл, в доме № 14, в те годы находился оружейный магазин, торговавший револьверами Кольта.]. Такой же, как у меня.

- И ты его убил?

В камине затрещало полено. Воцарилась пауза. С тех пор как Итан помирился со своими детьми Джейкобом и Иви, он стал задумчивее. И на этот вопрос ответил не сразу.

- Да, Джордж, я его убил. Большого он не заслуживал.

- Такие понятия, как «заслуживал», здесь неуместны, и ты это знаешь, - поморщился Уэстхаус.

- Джордж, у меня и сейчас перед глазами стоит та девочка. Видел бы ты ее. Совсем пигалица. Вдвое младше Иви.

- И тем не менее...

- У меня не было выбора. Он держал в руке пистолет.

Джордж с искренним сочувствием смотрел на старого друга.

– Итан, ты назвал не одну, а две причины. Ты убил этого человека, потому что он этого заслуживал или потому что у тебя не было выбора?

Итан раз десять, если не больше, мыл лицо и тщательнейшим образом сморкался, однако запах мозгов Бута все равно чувствовался даже сейчас.

– Разве эти причины обязательно должны быть взаимоисключающими? – спросил Фрай. – Мне тридцать семь лет, и список убитых мной достаточно внушителен. Я знаю, что понятия справедливости, объективности и возмездия – весьма дальние родственники навыка, но последний всегда подчиняется удаче. Когда фортуна поворачивается к тебе лицом и пуля убийцы летит мимо, когда противник дает слабину в обороне, нужно успеть воспользоваться шансом, пока эта леди не отвернется снова.

«Интересно, кого ты пытаешься одурачить?» – подумал Уэстхаус, но промолчал и решил двинуться дальше.

– Необходимость пролить его кровь тебя отнюдь не оправдывает. Согласись, что вначале нужно было бы побольше разузнать об этом усатом убийце.

Итан улыбнулся и шутливым жестом стер со лба несуществующий пот.

– Кое-что я узнал. На футляре с фотопластинкой была надпись, удостоверяющая личность фотографа. Я предположил, что убитый мной был именно им. Имя этого человека – Роберт Во. Он был связан с тамплиерами. Порнографические картинки с его фотографий по одному каналу поступали к ним, а по другому – через Бута – попадали в пивнушки и трущобы.

Джордж тихо присвистнул:

– Ну и опасную же игру вел мистер Во...

– И да, и нет...

– Что ж, рано или поздно он встретил бы свой бесславный конец.

– Именно так.

- И всю эту информацию он предоставил тебе посмертно?

- Не смотри на меня так, Джордж. Я в курсе, что мне просто повезло и что в любой другой день импульсивное убийство мной мистера Во могло иметь весьма плачевные последствия. Однако сегодня этого не произошло.

Джордж нагнулся, чтобы пошевелить поленья в камине.

- Чуть раньше я высказал предположение, что этот Во вел опасную игру, на что ты ответил: «И да и нет». Как это понимать?

- А так, что Во играл в двух нестыкуемых мирах и в каждом получал деньги. Я сегодня еще раз навестил трущобы и освежил свои представления о жизни тамошней бедноты. Их мир настолько далек от тамплиерского, что удивляешься, как оба мира существуют в одной стране, не говоря уже об одном городе. Наш покойный друг мистер Во был абсолютно уверен, что пути его деловых интересов никогда не пересекутся. Миры, в которых он действовал, находились на разных полюсах. Тамплиеры ничего не знают о трущобах. Их дома стоят на той же реке, что и фабрики, отравляющие воду бедняков, но только выше по течению. Туда не долетает ни фабричный дым, ни копоть, и потому воздух там чист.

- И мы тоже, Итан, живем «выше по течению», - с грустью произнес Джордж. - Нравится нам или нет, но наша жизнь протекает в мире мужских клубов и гостиных, храмов и комнат для совещаний.

- Не у всех, - глядя на огонь, возразил Итан.

Джордж с улыбкой кивнул:

- Ты имеешь в виду этого парня, Призрака? Я и не надеюсь, что тебя вдруг потянет рассказать мне, кто он на самом деле и чем занимается.

- Это должно оставаться моей тайной.

- Пусть так. Так что же насчет этого таинственного парня?

– Я разработал план, связанный с ныне покойным мистером Во и Призраком. Если все пойдет гладко и Призрак справится со своим заданием, мы сумеем подобраться к артефакту, за которым охотятся тамплиеры.

4

Джон Фаулер устал и озяб. Тучи, собиравшиеся над головой, предвещали, что вскоре он еще и промокнет.

Дождь не замедлил пойти. Вскоре первые капли забарабанили по шляпе Фаулера. Инженер плотнее прижал к груди кожаный футляр с чертежами. Он проклинал погоду, шум и вообще все и вся. Рядом с ним стояла супружеская чета: главный солиситор Лондонской городской корпорации Чарльз Пирсон и его жена Мэри. Дождь заставил супругов поморщиться. Окруженные кучами красно-коричневой глины, все трое смотрели со смешанным чувством безысходности и благоговения на громадный шрам в земле – новую линию метрополитена.

Метрах в пятидесяти от этой троицы находилась неглубокая шахта, выводящая в так называемую траншею шириной восемь и длиной сто восемьдесят метров. Далее она переставала быть траншеей и становилась туннелем. За кирпичной аркой ворот находился участок первой в мире подземной железной дороги.

Более того, это был действующий участок. По недавно проложенным рельсам день и ночь ходили поезда. Паровозы тянули составы, нагруженные гравием, глиной и песком, вывозя все это с мест, где велась дальнейшая проходка туннеля. Поезда двигались в обоих направлениях. Пар и дым удушающе действовали на бригады землекопов, работавших в местах проходки. Они нагружали землей кожаные ведра конвейера, а тот, в свою очередь, поднимал ее на поверхность.

Идея подземки принадлежала Чарльзу Пирсону. Почти двадцать лет главный лондонский солиситор ратовал за ее строительство, позволяющее уменьшить растущие заторы на дорогах Лондона и пригородов. А строительство являлось уже детищем Джона Фаулера. Помимо своих впечатляющих бакенбард, Фаулер обладал огромным опытом инженера-путейца и был наиболее вероятным кандидатом на должность главного инженера столичных железных дорог. Однако когда Пирсон нанимал его на работу, Фаулер честно признался, что весь его прежний опыт может оказаться совершенно бесполезным. Железная дорога

под землей – на такое еще никто и нигде не замахивался. Начинание не то что громадных – гигантских, невиданных масштабов. Некоторые утверждали: сооружение подземной железной дороги – самый дерзновенный замысел со времен строительства пирамид. Возможно, такое утверждение было преувеличенным, но в иные дни Фаулер вполне с этим соглашался.

По расчетам инженера, основная часть линии должна пройти на небольшой глубине, а потому ее можно строить открытым способом. В земле прорывалась траншея шириной восемь метров и глубиной пять. Далее сооружались кирпичные подпорные стены толщиной в три кирпича. В некоторых местах, где требовалась особая прочность, потолок туннеля укреплялся стальными поперечными балками. Во всех остальных он тоже был кирпичным, арочным. Затем сверху туннель засыпался землей, и поверхность становилась почти такой же, какой была до строительства.

Подобный способ неизбежно влек за собой уничтожение существующих дорог, снос зданий и в некоторых случаях – постройку временных дорог, чтобы затем восстановить существующие. Это означало выемку сотен тысяч кубических метров земли и всевозможного мусора, что угрожало проложенным водопроводным и газовым трубам, а также существующим сточным каналам. Добавьте сюда кошмарный нескончаемый шум от сноса зданий, а главное – от самой стройки. С чем сравнить такое? Пожалуй, со взрывом бомбы где-нибудь в местах протекания зловонной лондонской речки Флит, причем взрывы эти происходят ежедневно на протяжении последних двух лет.

Работы велись круглосуточно. Когда темнело, освещение давали факелы и жаровни. Землекопы трудились в две смены. Начало и окончание смен возвещали три удара колокола в полдень и полночь. Были и смены покорооче – дежурные, когда работники делали то, что нужнее всего в данный момент, переключаясь с одной изнурительной монотонной работы на другую. Но туннели никогда не пустовали.

Основную часть шума производили семь конвейеров, используемых на строительстве. Один из них находился неподалеку от места, где сейчас стояли Фаулер и чета Пирсонов. Сооружение представляло собой деревянный помост, выходящий из шахты и возвышающийся над поверхностью на семь с лишним метров. Он доставлял вверх землю с места проходки, загрязняя поверхность и производя пронзительный, звенящий шум. Конвейер обслуживали бригады землекопов. Часть находилась в шахте, часть на поверхности, а некоторые,

словно лемуры, висели на стенках. Их обязанностью было следить, чтобы качающиеся ведра с землей исправно поднимались на поверхность и не застревали по дороге.

Землекопы на поверхности трудились возле гор выброшенной земли. Их лопаты мелькали без устали, нагружая землей телеги. Над каждой из четырех телег, ожидавших погрузки, кружились чайки, рассчитывая поживиться. Они ныряли вниз, затем снова взмывали вверх, совершенно равнодушные к начавшемуся дождю.

Фаулер повернулся к Чарльзу, который казался больным – по крайней мере, он прижимал платок к губам, – но в остальном выглядел довольно бодрым. Фаулера изумляла неукротимость Пирсона. Размышляя о ней, инженер-путеец так и не мог понять, называть это решимостью или безумием. Над Пирсоном смеялись почти двадцать лет; с того самого дня, когда он впервые предложил построить подземную железную дорогу. «Поезда в сточных канавах»[3 - В английском языке слова рифмуются: «Trains in drains».], – заявил какой-то острослов. А потом насмешки над Пирсоном стали частью лондонской жизни. Смеялись над ним и когда он выдвинул идею пневматической железной дороги, где вагоны приводились бы в движение сжатым воздухом. «Толкотня в трубе» – так это виделось шутникам. Неудивительно, что более десяти лет кряду Пирсон являлся постоянным персонажем журнала «Панч», который недурно зарабатывал, печатая карикатуры и анекдоты об «отце» подземки.

Затем, когда публика еще потешалась над самой идеей строительства, Пирсон обнародовал уже вполне конкретный замысел: построить подземную линию между Паддингтоном и Фаррингдоном. Проект включал в себя снос трущоб в долине той самой Флит. Обитателей предлагалось переселить в лондонские пригороды. Пирсон считал, что подземка позволит быстро перемещаться между двумя вокзалами и будет удобна жителям пригородов, работающим в Лондоне.

Неожиданно проектом заинтересовались Большая западная железная дорога, Большая северная железная дорога и Корпорация лондонского Сити. Они вложили деньги, и идея стала воплощаться в жизнь. Фаулера, который к тому времени был достаточно известен, пригласили на должность главного инженера «Столичных железных дорог». Работа началась с первой шахты в Юстоне. С тех пор прошло без малого полтора года.

А что же лондонцы? Они продолжали смеяться?

Продолжали, только это был нервный, безрадостный смех. Представления Пирсона о сносе трущоб... не соответствовали действительности, и это еще мягко сказано. В пригородах не появилось ни одного дома для переселенцев. Никто и не горел особым желанием браться за их строительство. А такого понятия, как «малонаселенные трущобы», просто не существовало. Все, кто лишался жилья, отправлялись искать пристанище в других трущобах.

Трудности строительства перекликались с трудностями, вызванными строительством. Улицы сделались непроходимыми, по перекопанным дорогам было не проехать. Магазины, лавки, мастерские и конторы закрывались, а их владельцы требовали компенсации. Жизнь тех, кто жил вблизи стройки, превратилась в сущий хаос. Грязь, грохот. Хуже всего приходилось живущим возле конвейерных шахт. Там к прочему шуму добавлялось скрипучее пение конвейерного механизма, шум лопат и переругивание землекопов. Окрестные здания постоянно сотрясались, и их обитателей не покидал страх, что однажды крыша над их головой может рухнуть.

Покой не наступал и ночью. Вокруг шахты зажигали костры. Ночная смена заступала на работу, а дневная отправлялась пить до самого утра и устраивать потасовки. Казалось, Лондон наводнен землекопами и чернорабочими. Где бы те ни появлялись, они вели себя бесцеремонно. Их притоку радовались лишь владельцы питейных заведений и проститутки.

Были и происшествия. Первое случилось на путях вокзала Кингс-Кросс. Пьяный машинист задремал и не заметил, как его паровоз сошел с рельсов и рухнул в строящийся туннель. Обошлось без жертв, зато для редакции «Панча» это были «именины сердца». Не прошло и года, как на Юстон-роуд обрушились укрепления над арками туннеля, увлекшие за собой тротуары, клумбы и телеграфные столбы. Были повреждены водопроводные и газовые трубы. Невероятно, но и на сей раз жертв не было. Естественно, «Панч» снова получил повод для зубоскальства.

– Джон, сегодня я надеялся услышать хорошие новости, – сказал Пирсон.

Вернее, крикнул, ибо в таком грохоте говорить нормальным голосом было невозможно. Чарльз снова поднес ко рту платок: изящный, больше похожий на кружевную салфеточку. Фаулеру было сорок четыре, Пирсону – шестьдесят восемь, но выглядел Чарльз гораздо старше. Двадцать лет борьбы за подземку

не прошли бесследно. Он всегда приветливо улыбался, но даже тогда его глаза не покидало выражение постоянной усталости. Кожа на подбородке висела складками, словно восковой наплыв на свечке.

– Что мне вам сказать, мистер Пирсон? – крикнул в ответ Фаулер. – Что бы вы хотели услышать помимо...

Фаулер выразительно обвел рукой стройку.

– Грохот механизмов действует ободряюще, – засмеялся Пирсон. – Но быть может, к этому вы добавите известие, что мы снова движемся строго по графику? Возможно, от вас я узнаю, что все лондонские юристы, занимающиеся исками по компенсациям, вдруг погибли от удара молнии. Или, быть может, я не успел прочитать заявление ее величества. Приятно было бы узнать, что наша королева благосклонно относится к подземке и собирается воспользоваться ею при первой же возможности.

Фаулер смотрел на Пирсона, с которым успел сдружиться, и в очередной раз поразился силе его духа и чувству юмора.

– Боюсь, мистер Пирсон, я могу вам сообщить лишь плохие новости. Мы по-прежнему отстаем от графика. Погода вроде нынешней еще больше задерживает работу. Скорее всего, дождь загасит паровую машину конвейера, и все, кто его обслуживает, будут только рады внеочередному перерыву.

– Значит, одна хорошая новость все-таки появится, – засмеялся Пирсон.

– Это какая же? – крикнул Фаулер.

– Нам будет дарована тишина.

Словно по волшебству, паровой двигатель несколько раз чихнул и замолк.

Поначалу тишина была пронзительной. Мир приспособивался к забытому отсутствию шума. Дождевые капли мягко шлепались в раскисшую землю.

Затем раздался крик из шахты: «Простой!»

Все посмотрели вверх. Башня шахты чуть накренилась, и люди, следившие за конвейером, застыли в весьма опасных позах.

– Выдержит, – видя тревогу Пирсона, успокоил его Фаулер. – Она крепче, чем кажется.

Суеверный человек на его месте скрестил бы пальцы. Рабочие не собирались искушать судьбу. Все, кто находился на башне, стали торопливо спускаться вниз, цепляясь за распорки, как пираты за веревочные лестницы на мачтах. Потом из шахты стали вылезать рабочие, трудившиеся внизу. Фаулеру показалось, что их несколько сотен. Он молил судьбу, чтобы опора шахты выдержала дополнительную нагрузку. Она должна выдержать. Обязана... И она выдержала. Рабочие кричали и кашляли. Они размахивали лопатами и кирками, которые берегли не меньше, чем собственные руки и ноги. Потом они стали собираться группами. Все были одинаково перепачканы в глине.

Фаулер и Пирсон смотрели, как свои прибывают к своим. Этого и следовало ожидать. Под землей работали уроженцы Лондона, ирландцы, шотландцы, выходцы из деревень. Были и еще какие-то группы. Все стояли, засунув руки в карманы и обхватив себя за плечи, чтобы согреться. Шапки и шляпы были натянуты по самые уши, но мало спасали от дождя.

В это мгновение раздался крик. Фаулер повернулся, увидев непонятное оживление возле траншеи. Все рабочие окружили кромку шахты, глядя вниз.

– Сэр, идите сюда! – крикнул Фаулеру начальник строительства Марчант.

Не зная, слышал ли Фаулер его слова, Марчант сложил ладони рупором и снова крикнул:

– Сэр! Вам это нужно увидеть.

Фаулер и Пирсон зашлепали по грязи в сторону траншеи. Рабочие расступились, пропуская их. Они встали у края шахты и заглянули вниз – дальше распорок и замерших ведер конвейера. Внизу успело образоваться озерцо мутной воды. Оно ширилось на глазах.

На воде покачивался труп.

5

Слава богу, дождь прекратился. Уровень воды в траншее понизился, однако машины по-прежнему молчали. Придерживая шляпу, Марчант поспешил известить о находке своего непосредственного начальника Кавана – директора «Столичных железных дорог». Но еще раньше он отправил помощника на поиски полицейского. Долго искать не пришлось. Полицейским оказался молодой констебль с густыми бакенбардами. Представившись Фредериком Абберлайном, он откашлялся и снял полицейский шлем, чтобы тот не мешал осматривать тело.

– Скажите, сэр, спускался ли кто-нибудь к телу? – спросил у Пирсона констебль.

– Нет, констебль. Все поспешили подняться вверх, как только заметили труп. Можете представить, как это подействовало на рабочих.

– Конечно, сэр. Такое зрелище перед завтраком не способствует аппетиту.

Собравшиеся наблюдали за действиями полицейского. Он осторожно наклонился, заглядывая в траншею, затем подзвал к себе одного из рабочих.

– Дружище, сделайте одолжение, подержите вот это.

Констебль протянул рабочему шлем, затем отстегнул пояс, дубинку и наручники. После этого Абберлайн спустился по лестнице вниз для внимательного осмотра трупа.

Сгрудившись, рабочие смотрели, как молодой полицейский обошел вокруг мертвеца, подняв сначала одну, а потом и другую его руку. Далее констебль опустился на корточки. Зрители затаили дыхание, ожидая, что сейчас он перевернет тело.

Абберлайн, не привыкший быть объектом внимания, проглотил слюну. Он сожалел, что ранее не попросил рабочих удалиться. А зрителей у него хватало. Они толпились по обеим сторонам траншеи. Даже Фаулер и супруги Пирсон подошли. Все пристально смотрели на него, находящегося пятью метрами ниже.

Хватит. Он пришел сюда работать, а не стесняться зрителей. Отбросив подобные мысли, Абберлайн сосредоточился на осмотре трупа.

Мертвец лежал ничком, приподняв одну руку, словно намеревался поймать кеб. Одет он был в твидовый костюм. Коричневые сапоги имели подковы на каблуках. Пусть и густо покрытая грязью, обувь покойного была в приличном состоянии. «Судя по одежде, отнюдь не бродяга», – подумал Абберлайн. Осматривая труп, он успел запачкаться в мокрой глине. Равнодушный к этому, полицейский набрал в легкие побольше воздуха и, кряхтя от натуги, перевернул мертвеца на спину.

Сверху слышались негромкие возгласы. Абберлайн закрыл глаза, желая оттянуть момент, когда он увидит мертвое лицо. Потом, не без внутреннего трепета, открыл и увидел пару других глаз, пристально смотрящих, но уже ничего не видящих. Покойному было под сорок. Густые усы, как у принца Альберта, тронутые крапинками седины. Чувствовалось, бедняга за ними тщательно ухаживал, как и за своими не менее густыми бакенбардами. Он не принадлежал к числу богачей, но и рабочим тоже не был. Подобно Абберлайну, он относился к недавно возникшему среднему классу.

Кем бы ни был этот человек, у него наверняка остались близкие, и когда им сообщат, они наверняка захотят узнать, почему жизнь их родственника оборвалась в строительной траншее на Нью-роуд.

Это непременно случится. При мысли о расследовании Абберлайн не смог прогнать легкое возбуждение и такое же легкое чувство стыда.

Констебль заставил себя оторваться от созерцания открытых глаз покойного и стал осматривать пиджак и рубашку. Даже глина не могла целиком скрыть кровавое пятно с аккуратной дырочкой в центре. Если Абберлайн не сильно ошибался, это свидетельствовало о колотой ране.

Констебль повидал немало ножевых ранений. Он знал, что те, кто наносил такие раны, обычно не ограничивались одним ударом, а наносили их сразу несколько, один за другим.

Этого ударили один раз, метя прямо в сердце. Такое называется чистым убийством.

Теперь Абберлайн дрожал от волнения. Уже потом ему станет неловко. Ведь перед ним был труп. В такой ситуации добропорядочные люди чувствуют сострадание к покойному и его близким, но никак не волнение. И тем не менее...

Констебль принялся исследовать содержимое карманов убитого и почти мгновенно обнаружил при нем револьвер. «Боже милостивый, – подумал Абберлайн. – И как же этот чудаки, имея револьвер, не справился с пырлящиком?» Он быстро положил оружие обратно в карман.

– Необходимо поднять тело на поверхность, – крикнул Абберлайн, обращаясь к строительному начальству. – Джентльмены, пожалуйста, распорядитесь, чтобы мертвеца чем-нибудь прикрыли и помогли донести до телеги. Его мы отвезем в полицейский морг.

Сказав это, констебль стал подниматься по лестнице. Строительное начальство отдало соответствующие распоряжения. В траншею опустили еще несколько лестниц. Одни рабочие действовали быстро и сноровисто, другие – с робостью и опаской. Выбравшись наверх, Абберлайн обтер грязные руки о верхнюю часть брюк. Это занятие позволило ему внимательно оглядеть собравшихся рабочих. Не было ли среди них убийцы, тайно наслаждавшегося содеянным? Пока что констебль видел лишь множество перепачканных лиц. Все они внимательно следили за каждым его движением. Впрочем, не все. Другим было интереснее смотреть, как тело поднимают на поверхность, а затем несут и укладывают на дно телеги. Несколько рук прикрыли мертвеца брезентом, заменившим саван. Вскоре лицо убитого скрылось под грязным полотнищем.

Снова пошел дождь, причем сильный, но Абберлайн даже не обратил на него внимание. Констебль смотрел на щеголевато одетого человека, который шел в их сторону по дощатым мосткам. За ним вприпрыжку двигался слуга с большой конторской книгой в кожаном переплете. Ее завязки подпрыгивали вместе со слугой, безуспешно старавшимся не отставать от хозяина.

– Мистер Фаулер! Мистер Пирсон! – крикнул щеголь, размахивая тростью и сразу же обращая на себя внимание.

На строительной площадке вновь стало тихо, однако это была какая-то другая тишина. Рабочие переминались с ноги на ногу, внимательно разглядывая заляпанные глиной сапоги.

«Интересно, – подумал Абберлайн. – И кто же это перед нами?»

Подошедший был одет по той же моде, что Фаулер и Пирсон, но костюм свой носил с бо?льшим изяществом. Чувствовалось, он привык ловить на себе женские взгляды. У него не было выпирающего живота, а плечи он держал расправленными – они не сгибались под тяжестью забот и невзгод, как плечи его коллег. Когда этот человек снял шляпу, под ней оказались густые и длинные, почти до плеч, волосы. Он дружелюбно поздоровался и улыбнулся, но улыбка у него была какой-то механической и исчезла так же быстро, как и появилась, не достигнув глаз. Наверное, стоило женщинам увидеть его холодные, сверлящие глаза, и все очарование от его одежды и манер тут же испарялось.

Когда этот человек и его слуга подошли и остановились, Абберлайн мельком взглянул на Пирсона и Фаулера. Чувствовалось, обоим стало неуютно. Не укрылось от констебля и то, с какой неохотой Чарльз Пирсон представлял Абберлайну обладателя сверлящих глаз.

– Позвольте вам представить нашего коллегу мистера Кавану – директора компании «Столичные железные дороги». Он следит за исполнением графика работ.

Абберлайн приложил руку к шлему, подумав: «И что ж ты за птица?»

– Я слышал, в траншее обнаружили мертвое тело, – сказал Кавана.

Правую сторону его лица портил крупный шрам, словно когда-то ему ножом прочертили борозду под глазом.

– Увы, сэр, это так, – вздохнул Пирсон.

– Позвольте мне взглянуть, – не попросил, а потребовал Кавана.

Абберлайн откинул брезент. Кавана скользнул взглядом по лицу убитого и покачал головой:

– Слава богу, он мне незнаком. И к нашим рабочим он тоже отношения не имеет. Похоже, пьянчуга вроде того неугомонного, что услаждает нас пением.

Кавана указал туда, где по другую сторону забора стоял хлипкого вида выпивоха. Он что-то пел нестройным голосом, размахивая бутылкой дешевого пойла.

– Марчант! – крикнул Кавана, поворачиваясь спиной к телеге. – Позаботьтесь о том, чтобы все рабочие вернулись на свои места и возобновили работу. Мы и так уже потеряли достаточно времени.

– Нет! – раздался голос миссис Пирсон. Она шагнула вперед. – Здесь умер человек, и в знак уважения к его душе нужно приостановить работы до утра.

У Каваны включилась автоматическая улыбка. Лицо мгновенно приняло елейное выражение. Он снял цилиндр и низко поклонился.

– Миссис Пирсон, пожалуйста, простите меня. Как опрометчиво с моей стороны забыть о том, что среди нас находятся более чуткие души. Однако на строительной площадке часто происходит что-то неприятное и даже трагическое. Ваш муж это подтвердит. Боюсь, что обнаружение мертвого тела – не такое событие, из-за которого нужно прекращать работу в туннеле.

Миссис Пирсон выразительно посмотрела на мужа. Но тот лишь опустил глаза. Его руки, обтянутые перчатками, теребили набалдашник трости.

– Дорогая, мистер Кавана прав. Тело этого несчастного уже подняли на поверхность. Работы нужно продолжать.

Мэри испытующе посмотрела на мужа. Тот отвел глаза. Приподняв подол, миссис Пирсон повернулась и направилась прочь с места строительства.

Абберлайн проводил ее взглядом. От него не укрылось чувство тайного ликования, испытываемого Каваной. Директор принялся деловито раздавать

указания Марчанту, требуя возобновить работы. Заметил констебль и печаль на лице сокрушенного Чарльза Пирсона. Повернувшись, тот двинулся вслед за женой.

Меж тем Абберлайну предстояло везти труп на Белль-Айл. При мысли об этом у него сжалось сердце. На зеленой Божьей земле едва ли существовало более скверное место, чем трупщобы Белль-Айла.

Среди рабочих, которых приказами, понуканиями, угрозами и посулами начальник строительства возвращал сейчас на рабочие места, был и молодой индеец. В ведомости он значился под именем Бхарата и так же представлялся при знакомстве. Но для самого себя у этого человека было другое имя.

Он именовал себя Призраком.

Внешне Призрак ничем не отличался от остальных рабочих. Одевался, как и они: рубашка, шейный платок, железнодорожная фуражка, жилетка и спецовка. Вот только сапог он не носил, предпочитая босые ноги обутом. Молодой человек был умелым и добросовестным рабочим, не лучше и не хуже остальных. Если с ним заговаривали, он включался в беседу. Однако первым разговор обычно не начинал, но и склонности отмалчиваться за ним не водилось.

Отличала Призрака наблюдательность. Он постоянно за всем следил и все подмечал. Именно индеец заметил тело в воде, а поскольку находился довольно близко, успел разглядеть мертвеца раньше, чем прозвучал приказ покинуть траншею. Призрак также заметил пьяницу у забора и поймал его взгляд. Суматоха на площадке нарастала. Воспользовавшись ею, индеец подал выпивохе знак – он слегка почесал грудь, – едва заметный и не вызывающий никаких подозрений жест.

Призрак видел, как на строительной площадке появился Абберлайн. Не ушел от его внимания и вновь прибывший Кавана; особенно же индеец подметил тот момент, когда начальник Марчанта приказал откинуть брезент. Взглянув на лицо мертвеца, Кавана умело скрыл, что этот человек ему знаком.

Призрак отдавал должное способности Каваны ничем не выдавать своих чувств. В этом они были почти равны.

Сейчас Призрак наблюдал за отъезжавшей телегой. Абберлайн наверняка отправил тело на Белль-Айл.

Не укрылось от внимания Призрака и то, что вскоре после отъезда констебля пьяница тоже куда-то удалился.

6

Принц Альберт скончался несколько месяцев назад, и хотя мода на усы и бакенбарды, которую он ввел, сохранялась, его приверженность к благопристойности и хорошим манерам так и не сумела укорениться среди простого народа. Казалось, произошло нечто противоположное и над Лондоном нависла темная туча, делавшая обстановку в городе такой же мрачной и зловещей. Некоторые считали, что это вызвано отсутствием королевы. Она по-прежнему находилась в Шотландии, где скорбела по супругу. Иные видели причину в перенаселенности Лондона. Город тонул в жутком зловонии, увязал в бедности и становился рассадником многочисленных преступлений. Мало того – нашлись безумцы, решившие, что строящаяся подземная железная дорога наилучшим образом разрешит городские проблемы. Находились и те, кто утверждал: дело не в перенаселенности, а как раз в строительстве подземки, превратившей городскую жизнь в хаос. Эти люди подчеркивали, что строительство и спровоцировало перенаселенность. Снос кварталов вдоль речушки Флит, где находились самые обширные лондонские трущобы, лишил жилья тысячи и тысячи бедняков. Последнее точно было правдой.

«Зато мы избавились от крупнейших городских трущоб», – утверждали сторонники подземки.

«Ничего подобного, – возражали противники. – Вы просто перенесли трущобы в другое место».

«Имейте терпение», – уговаривали первые.

«И не собираемся», – заявляли вторые.

Все эти мысли кружились сейчас в голове Абберлайна, который ехал в телеге с мертвецом. Поводья констебль держал в одной руке, не слишком их натягивая. И думал, думал. Как это людям из высших слоев общества в своих клубах и залах заседаний удастся принимать решения, которые влияют на жизнь всех остальных, включая и его, Абберлайна? Ради чего принимаются такие решения? Ради всеобщего блага? Или ради их собственной выгоды? Вспомнилась строчка из стихотворения лорда Теннисона, посвященного атаке бригады легкой кавалерии: «Участь их – не рассуждать, участь их – действовать и умирать»[4 - Стихотворение, написанное известным английским поэтом Альфредом Теннисоном в 1854 году. Оно посвящено одному из эпизодов Крымской войны – атаке бригады британской легкой кавалерии на позиции русских войск; атаке героической, но совершенно бессмысленной.].

Лязгая колесами, телега перевалила через железнодорожную линию, которая уходила туда, где на горизонте, похожие на пятна грязи, высились огромные, увенчанные башенками фабричные корпуса Белль-Айла. Ноздри констебля уже щипало от зловония, исходящего от конских живодерен, котлов, где кипятились кости и топился жир, химических заводов и фабричонок, изготавливающих фейерверки и спички.

Слева какой-то не то идеалист, не то идиот предпринял доблестную попытку устроить огород. Но участок густо порос сорняками, которые сумели перебраться даже через железную ограду. Такие ограды тянулись по обе стороны дороги. Там, где они обрывались, были пустыри, на которых играли грязные полуголые дети. Они бросались друг в друга старыми консервными банками. Иные просто носились между домишками, в каждом из которых было по несколько комнат и прачечная. По вечерам домовладельцы и жильцы набивались в эти домишки и запирались изнутри, как в трущобах Олд-Никол.

Теперь телега Абберлайна ехала мимо конских живодерен. В открытые ворота загоняли живых еще лошадей, чей инстинкт и обоняние безошибочно подсказывали, что? их ждет в ближайшие минуты. Их умертвят, сдерут шкуры, а мясо будут варить в медных котлах, чтобы потом сделать из него кошачью еду.

Во дворах живодерен потные, голые по пояс мужчины кувалдами дробили конские кости. За ними через заборы наблюдала вездесущая ребятня в грязных лохмотьях. Из-за сернистых испарений в воздухе их одежда приобретала желтоватый оттенок.

Абберлайну встретилась стайка детей, которые явно устали глазеть на дворы живодерни. Работа там отнюдь не отличалась разнообразием. Ребята развлекались игрой в крикет. Настоящих бит у них, естественно, не было, и потому битой служила доска от старой кровати, а вместо мяча... Присмотревшись, Абберлайн даже вздрогнул. Мячом этим сорванцам служила голова котенка.

Констебль хотел было крикнуть живодерам, чтобы поискали замену мячу, как вдруг увидел мальчишку, снующего перед самой мордой лошади Абберлайна. Полицейский поневоле натянул поводья.

– Эй, сорванец! – крикнул констебль, раздраженно махнув рукой маленькому оборванцу. – С полицией шутки плохи. Уйди с дороги и дай проехать.

Но чумазый мальчишка не шелохнулся.

– Куда направляетесь, сэр? – спросил он, обеими руками глядя лошадиную морду.

Это зрелище немного смягчило сердце Абберлайна. Он смотрел, как мальчишка чешет лошади уши. Наверное, малец любил лошадей, а животные любили его.

– Так куда вы едете, сэр? – повторил мальчишка, поворачивая немытое лицо в сторону Абберлайна. – Надеюсь, не на живодерню. Я угадал?

Боковым зрением констебль засек какое-то движение. Повернувшись, он увидел еще троих шалопаев. Они подлезли под ограду, выбрались на дорогу и теперь обхаживали телегу сзади. Однако в полицейской телеге не было ничего ценного – только грязный брезент и труп в мокрой одежде.

– Угадал, сынок, – ответил Абберлайн мальчишке. – Я еду в полицейский морг и везу покойника.

– Настоящего покойника? – слышалось сзади.

Это спросил один из троих.

Подошло еще двое мальчишек. Вокруг телеги собралась пусть и маленькая, но толпа.

– Нечего меня задерживать, – прикрикнул на них Абберлайн. – Говорю вам, нет там ничего интересного.

– Сэр, а можно все-таки посмотреть?

– Нельзя! – рявкнул Абберлайн, оборачиваясь через плечо. – Отойдите от телеги. А если слов не понимаете, придется вас угостить дубинкой.

Первый мальчишка снова гладил лошадиную морду. Животное стояло, не шелохнувшись.

– Сэр, почему этим покойником занялась полиция? Видно, не своей смертью умер?

– Можно сказать и так, – ответил Абберлайн, начинавший терять терпение. – Теперь, сынок, отойди и дай мне проехать.

Телега качнулась и даже подпрыгнула. Вот паршивцы! Наверняка полезли под брезент. Эти понимают только подзатыльники и зуботычины. Телега снова качнулась. Рассерженному Абберлайну захотелось поскорее сбить свой груз и убраться с этого чертового Белль-Айла. Он решительно дернул поводья, заставив лошадь двигаться.

– Пошла! – прикрикнул на нее Абберлайн.

Если любитель лошадей вовремя не ушел с дороги, пусть пеняет на себя.

Телега тронулась, и мальчишке поневоле пришлось отскочить в сторону. Абберлайн все-таки посмотрел на него. Сорванец как-то странно ему улыбался.

– Удачи вашему мертвецу, сэр, – сказал мальчишка и насмешливо отсалютовал Абберлайну.

Констеблю было наплевать на эти шуточки. Он лишь сердито хмыкнул и снова дернул поводья. Миновав остальные дома, Абберлайн подъехал к воротам полицейского морга, где громко кашлянул. Работник морга, дремавший на стуле, подскочил, приподнял шапку и открыл ворота.

- Что на сей раз? - спросил вышедший из боковой двери второй работник.

Абберлайн слез с телеги. Тем временем соня закрыл ворота. Трущобы Белль-Айла за спиной работника казались закопченным отпечатком пальца на оконном стекле.

- Тело нужно поместить в ледник. Хорошо бы прозектор не мешкал.

Абберлайн закрепил поводья. Второй работник подошел с задней стороны, приподнял брезент и тут же опустил.

- Вам надо не сюда, а на живодерню, - равнодушно заявил он.

- Как вы сказали? - удивился Абберлайн.

- Я сказал: если вам не вздумалось дурацким образом пошутить над нами, тогда ваш груз надо везти на живодерню.

Абберлайн побледнел и сразу подумал о своей встрече с трущобной ребятней. Теперь понятно, почему телега дважды подпрыгивала. А этот юный любитель лошадей очень умело отвлек его внимание.

Абберлайн уже догадывался, что? увидит под брезентом... Мертвец, найденный в траншее, исчез. Вместо него констебль привез в морг тушудохлого пони.

7

Каждый вечер Призрак возвращался домой одним и тем же путем. Он шел по Нью-роуд мимо Мэрилебонской церкви, к которой примыкало кладбище. Там среди неупорядоченных, обвалившихся и обветшалых надгробий его внимание привлекал один камень. Оказываясь там, Призрак непременно обращал

внимание на положение камня.

Если камень стоял прямо (чаще всего так и было), это говорило об отсутствии посланий. Если оказывался наклоненным вправо, его положение сигнализировало об опасности, и только. Что это за опасность и с какой стороны – выясняй и доискивайся сам.

Камень, наклоненный влево, означал желание наставника встретиться с Призраком. Время и место их встреч не менялось.

Проверив положение камня, Призрак начинал путь домой длиной целых восемь километров – в лондонский район Уоппинг, где индеец жил в туннеле под Темзой.

Когда-то этот туннель называли одним из величайших чудес света. Даже его наземная часть заметно отличалась от окружающих домов. Здание, служившее своеобразным вестибюлем, было построено в форме восьмигранника и увенчано шпилем. Войдя в двери, которые никогда не закрывались, Призрак пересекал мозаичный пол и останавливался возле будки контролера. Днем пешеходы платили один пенни за право спуститься в туннель. Вечером движение по туннелю прекращалось, и медный турникет закрывался. Однако Призрак, как и все прочие обитатели туннеля, попросту перелезал через турникет.

Вниз вела винтовая мраморная лестница. В это время года ее ступени покрывал лед, что вынуждало Призрака двигаться осторожнее. Лестница была разделена площадками. Призрак прошел их одну за другой, пока не оказался в просторном круглом помещении на глубине примерно восьмидесяти метров под землей. Помещение это называлось ротондой. Некогда оно поражало не только размерами, но и богатством отделки. Однако годы взяли свое: стены и статуи покрылись толстым слоем грязи.

Правда, и сейчас ротонда оставалась впечатляющим сооружением с многочисленными нишами в оштукатуренных стенах. В нишах, устроившись на мешках и подстилках, спали обитатели ротонды: некроманты, предсказатели судьбы, фокусники и жонглеры. Днем они предлагали свои услуги и развлекали путешественников, посещающих знаменитый туннель под Темзой. Восьмое чудо света.

Он был первым в мире туннелем, построенным под судоходной рекой, и тянулся от Уоппинга на северном берегу Темзы до Ротерхайта на южном. Строительство этого гиганта заняло более пятнадцати лет. Туннель существенно подорвал силы автора проекта, инженера Марка Брюнеля и чуть не стоил жизни его сыну Изамбарду. Во время строительства туннель часто заливало, и Изамбард едва не утонул. Отец и сын надеялись, что по их детищу будут передвигаться кареты и повозки, но эту затею пришлось оставить из-за дополнительных расходов. И потому туннель остался пешеходным и быстро сделался достопримечательностью для путешественников, приезжавших в Лондон. Те охотно платили за возможность пройти четыреста метров под Темзой. Неудивительно, что в туннеле быстро обосновались всевозможные торговцы, лицедеи и предсказатели, зарабатывающие на туристах.

От ротонды Призрак двинулся к входу в туннель. Две темные арки глядели на него, как дула пистолетов. Туннель был достаточно широким, с высокими потолками, однако кирпичные стены все равно сдавливали пространство, а каждый шаг отдавался гулким эхом. Изменился и сам воздух, что было еще одним признаком сумрачного мира, куда вступал молодой индеец. Днем газовые фонари разгоняли темноту, но ночью единственным освещением было колеблющееся пламя свечей тех, кто сделал туннель своим домом: торговцев, предсказателей, танцоров, дрессировщиков мелкого зверья, певцов и клоунов. Туннель открыли около двадцати лет назад, и каждый год по нему проходило не менее двух миллионов человек. Торговцы чуть ли не зубами держались за свои места, боясь покинуть их хотя бы на день. Ведь пока тебя не было, твое место вполне мог захватить кто-нибудь другой.

Призрак шел дальше, поглядывая на спящих торговцев и артистов. Его шаги гулко звенели по каменному полу. В туннеле существовала строгая иерархия. Места у самого входа принадлежали торговцам. За ними располагались разного рода изгои общества, бездомные, бродяги и отщепенцы. Еще дальше – жулье, ворье и беглые личности.

Торговцы больше, чем кто-либо, были заинтересованы, чтобы днем в туннеле не толкались бродяги. Заботило их и поддержание относительной чистоты. Поэтому, едва наступало утро, они с энтузиазмом помогали полицейским очищать туннель от прочих «ночлежников». Воры и беглые сами убирались из туннеля, когда было еще темно. А вот бродяг, попрошайек и проституток приходилось выпроваживать. Они ворчали себе под нос, прижимая к груди пожитки и щурясь на свет. Каждый был готов к очередному дню сражения за

жизнь.

Призрак остановился перед очередной нишей под арочной перегородкой, осветил керосиновым фонарем. Здесь уже кто-то спал. Соседняя ниша была свободна. Фонарь Призрака тускло освещал арки перегородок. На полу не было никого. Света его фонаря хватало лишь на пространство вокруг. Дальше была темнота. Отсветы, плясавшие на кирпичных стенах, тоже были призрачными.

Из темноты донеслось шарканье. Призрак шагнул вперед и в свете лампы увидел детскую фигурку, притаившуюся в укромном уголке.

- Здравствуйте, мистер Бхарат, - прошептал мальчишка.

Призрак подошел к нему и достал из кармана спецовки толстую корку хлеба.

- Здравствуй, Чарли, - сказал он, подавая еду мальчишке.

Тот слегка вздрогнул. Ему было куда привычнее получать от взрослых тычки и шлепки. Но хлеб он взял. Глядя на Призрака благодарными глазами, мальчишка осторожно вонзил зубы в хлеб.

Так повторялось из вечера в вечер. Мальчишка неизменно вздрагивал и всегда начинал есть хлеб с осторожностью. Призрак не знал, кто он и где жил прежде. Чувствовалось, что над мальчишкой сильно издевались, и это приучило его остерегаться взрослых. Призрак всегда улыбался ему и говорил:

- До завтрашнего вечера, Чарли. Береги себя.

У Призрака сердце разрывалось, когда он оставлял мальчишку на полу и шел дальше.

Пройдя еще немного, Призрак снова остановился. В этой нише лежал человек со сломанной ногой, которую повредил, упав на обледенелых ступенях ротонды. Призрак вправил бедняге поломанную кость и наложил шину. Сейчас, морщась от едкого запаха мочи и кала, индеец проверил состояние ноги. Шина держалась на месте. По всему чувствовалось, что кость начинает срастаться.

– Бхарат, ты замечательный парень, – пробурчал его пациент.

– Ты ел сегодня? – спросил Призрак, продолжая осматривать ногу.

Молодой человек не отличался особой брезгливостью, но сейчас даже ему стало худо. От Джейда воняло, как из отхожего места.

– Мэгги принесла мне хлеба и фруктов, – ответил Джейд.

– Что бы мы делали без Мэгги? – почти риторически спросил Призрак.

– Передохли бы, сынок. Все до одного.

Индиец выпрямился. Он сделал вид, что вглядывается в темноту, хотя на самом деле пытался глотнуть относительно свежего воздуха туннеля, не зараженного зловонием калеки.

– Твоя нога, Джейд, успешно срастается. Еще пара дней, и, пожалуй, сможешь вымыться.

– Это что же, мне еще два дня... благоухать? – усмехнулся Джейд.

– Боюсь, что так, – ответил Призрак, потрепав своего пациента по плечу.

Призрак двинулся дальше, пока не добрался до самой последней ниши, где обитали они с Мэгги. Ей было шестьдесят два года, и по возрасту она годилась Призраку в бабушки, что не мешало им заботиться друг о друге. Призрак приносил еду и деньги. Каждый вечер он при свете свечи учил Мэгги читать.

Женщина была кем-то вроде «туннельной матери». Все, что Призраку требовалось сообщить местному населению, он делал через Мэгги. Она могла направить настроения людей в нужную сторону. Ее уважали и побаивались. Все знали, что с Мэгги шутки плохи.

Заходить за их нишу отваживались немногие. Дальше начиналась тьма в прямом и переносном смысле. То, что Призрак избрал для ночлега самую последнюю нишу, не было совпадением. Это углубление в стене являлось чем-то вроде

пограничной заставы и защищало «законопослушную» часть туннельного населения от всякой швали и отребья, находившего себе прибежище в дальних частях.

Пока в туннеле не появился Призрак, там царил произвол. Не получая отпора, двуногое зверье грабило тех, кто слабее, одновременно глумясь над ними. Порядок удалось навести не сразу. Не обошлось и без кровопролития. Но Призрак положил конец произволу.

8

В тот вечер, когда Призрак впервые встретился с Мэгги, он, как всегда, возвращался домой (если, конечно, нишу в туннеле, где он ночевал, можно назвать домом).

Так случилось, что по дороге он позволил разуму отправиться в далекий индийский город Амритсар, где Призрак родился и вырос.

Он вспоминал, как в детстве бродил по саду, окружавшему родительский дом, а когда подрос, познакомился с другими замкнутыми на себе кварталами Амритсара (такая система городского планирования получила название «Катрас»). Память умеет сбивать нас с толку, преподнося события прошлого лучше или хуже, чем они были на самом деле. Призрак это ясно сознавал. Он понимал, как опасно идеализировать собственное детство. Тогда легко забываешь, что Амритсар, в отличие от Лондона, еще не обзавелся канализацией, и потому в городе редко пахло жасмином и терпкими травами (а в память Призраку врезались именно эти запахи). Улицы, казавшиеся такими широкими и длинными, отнюдь не были таковыми. И в домах за высокими стенами, что стояли на этих улицах, жило ничуть не меньше злых, жадных и жестоких людей, чем в других городах Индии. Наконец, солнце никак не могло сутки напролет заливать город золотистым светом, нагревая камни, заставляя сверкать струи фонтанов и расцветивая улыбками лица горожан.

Вряд ли все это было так. Но Призраку детство запомнилось именно таким, и, если быть честным с собой, он предпочитал, чтобы его воспоминания не менялись. В туннеле они согревали его по ночам.

В Амритсаре Призрака звали по-другому – Джайдип Мир. Как и все мальчишки, он обожествлял своего отца Арбааза Мира. Мать говорила, что от отца пахнет пустыней. Призрак запомнил и этот запах. С ранних лет Арбааз рассказывал сыну о том, какое великое будущее его ожидает. Однажды Джайдип станет почитаемым ассасином. В устах отца это звучало как нечто будоражащее кровь, как событие, которое обязательно наступит. Джайдип рос в уютном и удобном доме любящих родителей и все больше проникался уверенностью в своем будущем.

Арбааз с удовольствием рассказывал разные истории, а Джайдип с таким же удовольствием их слушал. Самой интересной была история о том, как Арбааз встретил свою будущую жену Пьяру. Вместе с Резой Сурой – молодым немой слугой – отец Джайдипа пытался отыскать знаменитый бриллиант Кохинур. На языке хинди у камня было и другое название – «Гора света». При попытке выкрасть бриллиант из императорского дворца Арбааз и познакомился с Пьярой Каур – внучкой Ранджита Сингха, основателя Сикхской империи.

Кохинур был одним из древнейших предметов, называемых «частицами Эдема». Разбросанные по всему земному шару, они были единственными остатками таинственной цивилизации, знаниями и могуществом превосходящей нынешнюю.

Джайдип знал о силе частиц Эдема по рассказам родителей, а они видели ее собственными глазами. В ночь пробуждения бриллианта рядом с камнем находились Арбааз, Пьяра и Реза. Все они стали свидетелями божественного свечения, исходившего из камня. Рассказывая об увиденном, родители Джайдипа упоминали и о том, какое воздействие оказал на них пробужденный Кохинур – он укрепил их преданность учению ассасинов и убедил в том, что такая могущественная сила не должна попасть в руки их врагов-тамплиеров. Те же мысли родители заботливо пестовали в сыне.

Маленький Джайдип рос в Амритсаре, расцвеченном золотым солнцем, обучался у отца, который был для него равен Богу. Он и вообразить не мог, что однажды назовется Призраком и будет ночевать, скрючившись в темном промерзшем туннеле, один-одинешенек в целом мире...

Обучение началось, когда Джайдипу было не то четыре, не то пять лет. Оно требовало большого напряжения физических сил, но мальчишка никогда не воспринимал учебу как тяжелую обязанность. Джайдип никогда не жаловался и

не пропускал занятия. Причина была проста: у него все получалось очень хорошо.

Нет, даже не так. У него получалось все просто великолепно. Едва в руках Джайдипа оказался деревянный нож кукри, он уже знал, как обращаться с оружием. У него был врожденный дар к поединкам; такое не часто видели в индийском братстве. В атаке Джайдип был чрезвычайно, почти сверхъестественно быстр. Его оборона очень быстро превращалась в наступление. Джайдип отличался редкой для его возраста наблюдательностью и предвидением. Словом, сын виделся Арбаазу таким совершенством, что отцу не оставалось иного, как... пригласить к Джайдипу другого учителя.

Так в жизнь мальчишки вошел Итан Фрай.

Знакомство с Итаном Фраем принадлежало к числу наиболее ранних воспоминаний Призрака: меланхоличный, усталого вида человек в западной одежде. Казалось, она давила новому учителю на плечи.

Джайдип был еще слишком мал, и потому ему и в голову не пришло расспросить отца об Итане Фрае. Пожалуй, у него и любопытства не возникло. Фрай приехал из Англии, но с таким же успехом мог свалиться с небес. Угрюмый ангел, явившийся омрачить жизнь Джайдипа, которая во всем остальном была идиллической.

- Это и есть твой мальчик? - спросил Итан.

Они сидели в тени двора. Шум, долетавший с окрестных улиц, сплетался с птичьим щебетанием и мягким журчанием фонтана.

- Да, это и есть наш мальчик, - с гордостью ответил Арбааз. - Это Джайдип.

- По твоим словам - великий воин.

- Он постепенно превращается в великого воина. По крайней мере, я так думаю. Я сам обучал сына и был просто изумлен. Я не преувеличиваю, Итан: я был изумлен его врожденными способностями.

Арбааз встал. За спиной отца Джайдип мельком увидел мать. Возможно, само присутствие этого угрюмого иностранца позволило Джайдипу столь ярко ощутить красоту и изящество отца и матери. Он увидел в них не столько своих родителей, сколько выдающихся людей.

Не сводя глаз с Джайдипа, Итан Фрай сцепил руки на животе, обернулся через плечо и спросил Арбааза:

- Ты назвал его способности сверхъестественными?

- Да, Итан, что-то вроде этого.

- Сверхъестественными, а? - переспросил Итан Фрай.

- Джайдип всегда думает на два-три хода вперед, - пояснил Арбааз.

- Так и надо делать.

- Шести лет от роду?

Итан снова посмотрел на Джайдипа:

- Готов признать: твой сын развит не по годам, однако...

- Я знаю, какие слова ты сейчас произнесешь. Ты скажешь, что Джайдип упражнялся со мной, а между отцом и сыном существует определенная связь. Я допускаю... я допускаю, что мальчик получает от меня нечто вроде... интуитивных подсказок, и они подталкивают его к тем или иным действиям. Ты это хотел сказать?

- Что-то вроде того, да.

- Потому-то я тебя и пригласил. Я хочу, чтобы ты занялся обучением Джайдипа.

Заинтригованный способностями Джайдипа, Итан Фрай согласился на предложение Арбааза. Он поселился в их доме и принялся обучать мальчика

искусству сражения на мечах, кинжалах и иных видах холодного оружия.

Джайдип мало знал о причинах, заставивших Итана заняться наставничеством. Поначалу мальчика смущали грубые манеры учителя и такой же грубый тон. Джайдип охотно выполнял отцовские распоряжения, но сопротивлялся дисциплине, навязываемой ему иностранцем. Прошло несколько месяцев, прежде чем между учителем и учеником сложились отношения, где уже не было угрюмых «ремарок в сторону» (Итан), резких слов (Итан) и слез (Джайдип).

На самом деле все это время Джайдип считал, что он просто не нравится Итану Фраю, что стало для мальчика настоящим культурным шоком. Джайдип был обаятельным и приветливым ребенком, почти ничего не знавшим о мире взрослых. Хотя он и не подозревал о существовании таких понятий, как «обольстить» и «убедить», интуитивно он прекрасно владел и тем и другим искусством. Ему ничего не стоило вить веревки не только из слуг, но и из родителей. Джайдип был из тех мальчишек, которых взрослые обожают тискать. Мужчины постоянно ерошили ему волосы. Не проходило и получаса, чтобы какая-нибудь служанка не похвалила его красивую улыбку и не чмокнула в щечку. От Джайдипа пахло детством и свежестью. Женщины млели от этого запаха и втайне восхищались бархатистостью его кожи.

Джайдип был чем-то вроде наркотика. Каждый, встречавший его, попадал в зависимость от его облика, голоса, улыбки.

Все, кроме Итана, с лица которого не сходило задумчивое и озабоченное выражение. Конечно, порой и в мире этого угрюмого англичанина проглядывало солнце. Когда такое случалось, Джайдипу казалось, что он мельком видел «прежнего» или, возможно, «настоящего» Итана; словно существовал какой-то другой Фрай, отчаянно пытающийся выглянуть из сумрака. Во всех остальных случаях чары Джайдипа, дурманящие других взрослых, на его учителя просто не действовали.

Вот на такой, довольно шаткой основе строились отношения между учителем и учеником. Итан, пребывающий в глубокой задумчивости. Джайдип, ошеломленный новой разновидностью взрослого, который не проникается к нему симпатией и не расточает похвал. Разумеется, Итан был вынужден хвалить успехи Джайдипа в поединках. Вначале скупое, затем вполне искреннее. Да и могли ли он не хвалить мальчишку, если Джайдип показывал превосходные результаты во всех видах искусства ассасинов? В конце концов это и стало

решающим фактором перемены в их отношениях. Если кто и способен вызвать восхищение опытного ассасина, если к кому он и может проникнуться симпатией, так это к многообещающему ученику. Нечто подобное происходило и с Итаном. Он видел раскрывающиеся возможности Джайдипа.

Шли годы. Учитель и ученик вели учебные поединки в тени дворовых деревьев, обсуждали теоретические вопросы у дворовых фонтанов, а потом шли на городские улицы заниматься практическими упражнениями. Казалось, Итан начал оттаивать по отношению к своему подопечному. Когда он говорил, что мальчишке пора переходить с деревянных мечей на стальные, в его голосе звучала искренняя гордость.

И Джайдип начинал лучше понимать характер своего задумчивого учителя. Он убедился: слово «угрюмый» не годилось для описания Итана; правильнее было называть учителя «отягченным заботами». Даже в столь раннем возрасте Джайдип был удивительно проницателен.

А затем в один прекрасный день мальчик подслушал разговор женщин на кухне. В тот день они с Итаном упражнялись в бесшумном подкрадывании. Местом упражнений служила территория вокруг дома. Итан велел Джайдипу пойти и тайком разузнать какие-нибудь секретные сведения.

Когда впоследствии Призрак мысленно возвращался к заданию Итана, оно виделось ему не только странным, но и опасным. Юный шпион мог узнать нечто, совсем не предназначенное для его ушей.

Так оно и случилось.

Уже потом Джайдип понял, что Итан, вопреки своему мрачному и задумчивому облику, бывал склонен к поспешным и необдуманным решениям. Более того, его учителя порой охватывало стремление напроказничать. Скорее всего, задание, которое Итан тогда дал Джайдипу, и было проявлением этой, доселе скрытой, черты его характера.

Джайдип отправился выполнять задание и через пару часов вернулся к фонтану, возле которого сидел Итан. Он уселся на камень рядом с учителем. Тот пребывал в задумчивости и, по обыкновению, предпочел не заметить возвращения ученика. С этой чертой характера Итана, как и со всем, что касалось учителя,

Джайдип свыкся не сразу. Он прошел несколько стадий: обида, смущение и... неожиданное открытие. Джайдип вдруг осознал, что отсутствие теплоты в отношениях было, как ни странно, общей чертой, сближавшей их – людей разного возраста и культуры. Вдобавок один уже был опытным убийцей, а второй пока лишь учился этому.

– И что же ты узнал, мой дорогой мальчик? – наконец спросил Итан.

Итан сравнительно недавно начал называть Джайдипа «мой дорогой мальчик», и это обращение нравилось юному ученику.

– Я кое-что узнал о вас, учитель.

Возможно, впоследствии Итан и сожалел, что дал своему юному подопечному такое опрометчивое задание. Трудно представить, чтобы это входило в его планы, но разве кто-то мог проникнуть в замыслы Итана? Да и можно ли проникнуть в разум другого человека? Джайдип вряд ли тогда задумывался о подобных вещах. Однако, будучи добросовестным учеником, развивающим природную склонность к наблюдательности, он, конечно же, внимательно смотрел за учителем и по едва заметным признакам пытался понять, не обиделся ли Итан, не переступил ли сам Джайдип какую-то черту в их отношениях.

– Сынок, наверное, ты подслушал разные то да се?

– Какие «то да се», учитель?

– Так называют сплетни, а я всегда тебе говорил, что сплетни и слухи могут быть весьма действенным инструментом для сбора сведений. Ты сумел из обрывков составить некоторую картину. Это хорошо.

– И вы не сердитесь?

По лицу Итана промелькнуло странное спокойствие, пришедшее на смену мимолетному смятению.

– Нет, Джайдип, я на тебя не сержусь. Давай рассказывай об услышанном.

– Вам это может не понравиться.

– Не сомневаюсь. И все равно рассказывай.

– Женщины говорили, что у вас в Англии была жена. Она родила вам двоих детей, но сама умерла в родах.

Мальчику показалось, что окружающий мир замер. Он ждал ответа учителя.

– Это правда, Джайдип, – наконец сказал Итан. – Моих детей зовут Иви и Джейкоб. Мне было тяжело даже смотреть на них после случившегося. Потом меня пригласили в Индию. Пожалуй, правильнее сказать, что я сбежал сюда. Да, Джайдип. Я сбежал из городка Кроли, где у меня есть дом и дети, и приехал сюда, чтобы жариться на солнце вместе с тобой.

Джайдип подумал о своих отце и матери. Сколько любви и заботы дарили ему родители! У него сжалось сердце при мысли о тех двух детях. Джайдип не сомневался, что они окружены заботой, однако у них не было главного – отцовской любви.

– Но мое пребывание здесь скоро закончится, – сказал Итан, словно прочитав мысли Джайдипа, и поднялся. – Пора возвращаться в Англию, в Кроли, к Джейкобу и Иви. Прежде чем уехать, мы с тобой сменим деревянное оружие на стальное. Я успею порадоваться тому, что ты вполне готов к настоящим поединкам, и только тогда вернусь домой. А там, Джайдип, я сделаю то, что должен был бы сделать с самого начала: я стану отцом своим детям.

Слова Итана были насквозь пронизаны смыслом, который Джайдип, невзирая на свою интуицию, не мог постичь. Итан косвенно признавался Джайдипу, что их дружба пробудила в нем отцовский инстинкт, угасший сразу после смерти жены. И так же косвенно он благодарил мальчишку.

Однако Джайдип из всех слов услышал только одно – «поединки».

А вскоре после этого, фактически сразу же, как только в руках Джайдипа оказалось настоящее оружие, Итан обнаружил у своего ученика один недостаток. Серьезный недостаток.

В тот вечер, когда Призрак впервые встретился с Мэгги, он, как всегда, возвращался домой, в нишу туннеля. Путь лежал через кладбище при Мэрилебонской церкви, где молодой индеец, по обыкновению, хотел проверить положение сигнального камня, однако все его внимание неожиданно оказалось приковано к кое-чему другому.

Это случилось почти год назад. Как и сейчас, дни тогда были короткими и холодными. В такую темень и холодину вы едва ли потащитесь на кладбище, если только на это у вас нет какой-нибудь весьма серьезной причины. Причины, которую нельзя назвать иначе, как темные делишки.

Звуки, долетавшие до ушей Призрака, свидетельствовали именно о таких делишках.

Он остановился у прохода возле низкой церковной стены и прислушался. Темные делишки могут быть как относительно невинными (например, встреча искателя плотских утех с проституткой), так и весьма опасными. И по всему выходило, что на кладбище происходит что-то весьма дурное. Судя по голосам, там собралось не меньше пятерых мужчин. Один из них хохотал и убеждал других не стесняться. До ушей Призрака долетали и другие звуки. Звуки насилия. Похоже, кого-то били сапогами (наверное, сапожник, тачавший эти сапоги, и подумать не мог о таком их применении). И похоже, этот «кто-то» был женщиной. Призрак сразу почувствовал, что ей очень-очень больно.

Разумеется, мимо проходили и другие люди. Они тоже слышали шум на кладбище и крики женщины, на которую градом сыпались удары и которая умоляла о пощаде. Но из всех прохожих остановился только Призрак. Он не должен был останавливаться. От него требовалось всегда и всюду оставаться незаметным. И все же он остановился, поскольку был ассасином... настоящим ассасином, прошедшим обучение у Арбааза Мира и Итана Фрая и с детства усвоившим ценности братства.

И будь он проклят, если сейчас пройдет мимо того места, где пятеро мерзавцев развлекались, избивая женщину.

Призрак перемахнул через низкую каменную стену, служившую границей кладбища, и устремился в сумрак. Шум не прекращался. Чувствовалось, пьяная компания наслаждалась этой гнусной игрой. Их голоса подсказывали Призраку: двое – из «сливок общества». Принадлежность остальных определить он не мог.

Света фонарей, которые эта компания принесла с собой, вполне хватало, чтобы разглядеть на фоне массивного здания церкви двух хорошо одетых мужчин и женщину, лежащую на каменных плитах.

– Как ты это назовешь? – спрашивал один.

Он стоял, широко расставив ноги, между которых и лежала несчастная. Он нагибался и бил ее по лицу. Второй хохотал, прикладываясь к фляжке.

А впереди замерли трое рослых мужчин в котелках. Они стояли спиной к господам и жертве. Телохранители. Все трое напряглись, увидев парня, который шел к ним, огибая поваленные надгробия. Арбааз и Итан посоветовали бы подкрасться незаметно. Двоих Призрак сумел бы убить почти мгновенно, не дав им и вскрикнуть. Но увиденное пробудило в индийце какую-то первобытную злость, в нем выиграло чувство справедливости, ему захотелось драки. Призрак желал не просто восстановить справедливость, но сделать это открыто.

– Проваливай отсюда, дружище, – сказал один из телохранителей. Он стоял, скрестив руки. – Тебе, парень, здесь не на что смотреть.

Товарищи говорившего чуть сместились. Один держал руки в карманах пальто. У второго они были сцеплены за спиной.

– Отпустите женщину, – потребовал Призрак.

Пьяные джентльмены прекратили забаву и отошли от распростертого, кровоточащего тела женщины. Перевернувшись на бок, она стонала от боли, радуясь, что в череде ударов возникла пауза. Из-под измятого, перепачканного грязью подола торчали ноги. Копна спутанных грязных волос закрывала окровавленное лицо. Бедное, жалкое существо лет шестидесяти, если не больше.

– Отойдите от нее, – велел мужчинам Призрак.

Один из «сливок общества» захихикал и передал фляжку приятелю. Тот, радостно сверкая глазами, поднес горлышко к губам и принялся жадно пить. Вид у обоих был такой, словно они ждали начала увеселительного спектакля. Один против пятерых. То-то будет потеха. Призрак надеялся, что не обманет их ожиданий.

Он также надеялся, что высокие мысли о восстановлении справедливости не помешали ему трезво оценить обстановку и собственные силы.

Первый телохранитель чуть наклонил голову и заговорил снова. Его слова, будто камни, падали на притихшее кладбище.

– Слушай, парень, проваливай отсюда по-хорошему, не то мы тебе поможем.

Призрак обвел глазами всю компанию:

– Я уйду, когда удостоверюсь, что эту женщину больше никто пальцем не тронет.

– В таком случае...

– И еще, когда удостоверюсь, что издевавшиеся над ней двое мужчин будут достаточно наказаны.

Телохранители громко расхохотались, однако первый из них (вероятно, он был главным) махнул остальным, требуя замолчать.

– А вот этого не случится. Видишь тех джентльменов? Они щедро платят за услуги мне и моим коллегам. В особенности за то, чтобы с их головы не упал ни один волос, когда они совершают прогулку по не слишком благополучным местам нашей великой столицы. Надеюсь, ты улавливаешь смысл сказанного. Чтобы добраться до наших господ, тебе вначале нужно миновать нас, а мы свое дело знаем.

Искатели развлечений чувствовали себя как за каменной стеной. Они оживленно болтали, передавая друг другу фляжку и наслаждаясь происходящим. Для них это было чем-то вроде аперитива. Настоящий спектакль начнется потом. Пьяные, слабые ничтожества. Призрак мог бы одной рукой расправиться с обоими, но...

Вначале нужно устранить телохранителей. У третьего пальто было расстегнуто, однако руки по-прежнему находились за спиной. Скорее всего, он был вооружен револьвером или кривой саблей, прицепленной сбоку. Опасный противник, но держится расслабленно, поскольку излишне уверен в себе.

То же Призрак мог сказать и о втором. Этот был в длинном пальто, застегнутом на все пуговицы. Левая рука елозила внутри кармана. Правая застыла неподвижно. Значит, в правой руке зажата свинчатка или нож.

Отлично. Покрой пальто у второго лишь мешал рукопашной схватке. К тому же этот громила имел глупость показать Призраку, где находится его оружие. Учтя все это, индеец решил, что атаку на телохранителей начнет именно со второго верзилы. Расправиться с ним будет легче, чем с двумя другими. И потом, Призраку требовалось оружие. Он надеялся, что в кармане у молодца в длинном пальто спрятан нож.

Первый был умнее. Он не считал парня безумцем, у которого благородные побуждения перевешивали чувство реальности. Руки этот телохранитель держал скрещенными на груди (наплечная кобура?), а глаза обшаривали пространство за спиной Призрака. Значит, главарь этой шайки не исключал, что парень явился сюда не один.

Не увидев никого, первый стал рассматривать Призрака с еще бо?льшим интересом, подозрением и осторожностью. Его коллегам было невдомек, а он догадывался, что этот индийский парнишка не так прост, как кажется. Этот верзила явно был сообразительнее остальных, и потому с ним будет труднее всего.

Призрак оглядел своих противников. Жаль, что при нем нет кукри, а к другой руке не пристегнут наруч со скрытым клинком. Тогда исход сражения был бы очевиден. Оно бы вообще уже закончилось. Однако Призрака и сейчас не покидала уверенность в победе. На его стороне был ряд преимуществ. Во-

первых, противники крупно его недооценивали; во-вторых, он был рассержен увиденным и горел желанием восстановить справедливость. И в-третьих, он много лет усердно упражнялся, многое умел, отличался поразительной быстротой и способностью четко оценивать расстояние, окружение и противников.

– Парень, даю тебе последний шанс убраться отсюда... – заговорил первый.

Призрак увидел еще одно свое преимущество – внезапность атаки.

Второй телохранитель даже не успел вынуть руки из карманов, когда Призрак лбом ударил его в нос. Арбааз не одобрял подобных ударов, считая их «грязным трюком», зато Итан восхищался простотой и действенностью подобного приема. Он вызывал сильную боль, мгновенную и обильную потерю крови, временную слепоту и дезориентацию. Сражение едва началось, а второй телохранитель уже был выведен из игры. Он утратил способность сопротивляться. Не ограничившись ударом в нос, Призрак локтем ударил телохранителя по горлу, одновременно сунув другую руку в карман его пальто... Свинчатка, черт бы ее побрал.

Конечно, это не нож, но свинцовая дубинка, обтянутая кожей, была достаточно тяжелой. Вооружившись ею, Призрак ударил третьего телохранителя в висок со всей силой (на какую был способен) и едва не снес противнику верхушку черепа. В момент удара третий телохранитель лез за оружием в карман пальто, но вытащить его было верзиле не суждено: он зашатался, клонясь вбок. Рот его широко распахнулся, как у рыбы, выброшенной на берег. Из раны на голове пошла кровь. Удар Призрака не был смертельным, но из-за полученной мозговой травмы остаток дней этот телохранитель проведет в кресле на колесах, пуская слюни. Его будут кормить с ложки жидкой пищей, а поврежденный мозг не позволит даже задуматься о том, как этот заурядный с виду парень сумел так легко его одолеть. Призрак для верности пару раз ударил телохранителя по горлу. Противник скрючился на земле, а Призрак резко повернулся к главарю этой шайки.

Первый телохранитель успел достать оружие. Однако между противниками раскачивался второй. Невзирая на удары, он оставался на ногах и, похоже, потихоньку приходил в себя. Этого Призрак никак не мог допустить. Ему самому такая гуманность могла стоить жизни. Призрак взмахнул свинчаткой. Удар был не слишком сильным, но вполне достаточным, чтобы сломать телохранителю

челюсть. Одновременно Призрак лягнул противника, сломав ему ногу – та подкосилась, и второй телохранитель растянулся на грязных, щербатых плитах. После такой травмы этот человек уже не сможет ходить без костылей, а сломанная челюсть сделает его речь малоразборчивой.

Другой ногой Призрак поддел фонарь, метнув его в лицо последнему противнику. Телохранитель сумел отшвырнуть фонарь, но маневр, задуманный им, провалился. Он было решил, что обнаружил брешь в обороне парня, и собрался этим воспользоваться. Телохранитель даже вскрикнул от удивления и досады. Оплошность противника подарила Призраку столь нужные ему секунды.

Поваленное надгробие могло стать препятствием. Призрак отошел подальше, проверил стойку и несколько раз переложил свинчатку из одной руки в другую.

Телохранитель вполне опомнился. Он был вооружен кривой абордажной саблей. Подняв ее, телохранитель встал между Призраком и своими нанимателями.

– Господа, бегите! – крикнул он через плечо.

Джентльменов не понадобилось уговаривать. Толкая друг друга и спотыкаясь о могильные камни, они шумно бросились наутек. Даже фляжку с выпивкой кинули на землю.

Призрак стиснул зубы. Он не мог позволить этим негодьям скрыться.

– Вам незачем умирать ради таких, как они, – сказал он телохранителю.

– Ошибаешься, приятель, – невесело рассмеялся тот. – Такие, как я, только этим и занимаются: умирают ради таких, как они. Так устроен мир.

Несмотря на молодость, Призрак знал подобные схемы. Богатые покупали себе офицерские звания, что давало им возможность быстро делать карьеру в британской армии. Они достигали положения, позволявшего держаться подальше от кровавых сражений и наслаждаться всем мыслимым комфортом.

– Так не должно быть, – упрямо произнес Призрак.

– Должно или нет, но пока что это так, парень. Когда твой жизненный опыт сравнится с твоими боевыми навыками – а в последнем, приятель, ты здорово поднаторел, – ты поймешь.

Призрак замотал головой. Он понапрасну терял время.

– Меня это не заботит, сэр. Мой противник – не вы, а те, кому вы служите.

– И все равно, сынок, я не могу подвести тех, кто мне платит, – с грустью признался телохранитель. – Я не могу выпустить тебя отсюда.

Его абордажная сабля была направлена в сторону Призрака. Верзила держался уверенно, однако его выдавали глаза. Призрак увидел в них ощущение неминуемого поражения. Так смотрит человек, понимающий, что проиграл. Здесь уже никаких «если». Только «когда».

– У вас нет выбора, – сказал Призрак и бросился на противника.

Он двигался, словно вихрь. Телохранитель видел, как всколыхнулась окружающая тьма, приспособившись к невероятной скорости молодого ассасина.

Призрак знал, насколько опасно недооценивать противника. Он предвидел возможный способ обороны телохранителя. Догадывался он и о том, каких действий ожидает от него противник. Призрак совершил первый обманный маневр, затем второй. Он ощутил гибкость и текучесть своего тела, вынужденного одновременно двигаться в двух направлениях. Надгробие послужило Призраку трамплином. Он прыгнул, бросился на противника с неожиданной высоты и под неожиданным углом.

Атака Призрака оказалась для телохранителя слишком умелой, слишком быстрой и блестяще продуманной. Чувствовалось, что верзила успел послужить в английской армии. Сильный и выносливый от природы, он оттачивал эти свои качества в многочисленных сражениях за пределами Англии. И все равно не был для Призрака серьезным противником. Совсем не был. Свинчаткой, липкой от крови второго телохранителя, Призрак ударил первого по затылку. Телохранитель разинул рот, выпучил глаза и повалился на землю, потеряв сознание.

Где-то через час или позже он очнется с больной головой, но в остальном целый и невредимый. Его, конечно же, начнут расспрашивать о случившемся, а он не сможет толком объяснить, как внешне заурядному парню удалось одолеть троих сильных, имевших боевой опыт телохранителей.

Но пока что он лежал, не шевелясь.

Перепрыгнув через могильный камень, Призрак подошел к женщине. Та успела подняться и теперь смотрела на него со смешанным чувством страха, изумления и благодарности.

– Черт тебя дерит, парень, кто ж ты такой, твою мать? Демон какой-то или что?

– Уходите отсюда, – сказал Призрак, не отвечая на вопрос. – Вам нужно покинуть это место раньше, чем кто-либо из этих троих очнется и сообразит, что к чему.

Призрак поднял валявшуюся саблю. Распухшее, окровавленное, исцарапанное лицо женщины побуждало его догнать двоих любителей развлечений. Оно не давало погаснуть его гневу. Призрак бросился в погоню.

Он легко нагнал двоих джентльменов. Шли они медленно и шумно, пьяно раскачиваясь из стороны в сторону. Наверное, им и сейчас было страшно, но они не сомневались, что нанятый ими защитник сумеет расправиться с молодым наглецом. Люди их круга не привыкли беспокоиться о чем-либо. Им было кого нанять для грязной работы. За них беспокоились слуги и лакеи.

Да, Призрак легко их нагнал. Он толкнул того, кто тащился позади. Любитель жестоких развлечений упал, но быстро вскочил и побежал. Страх и затуманенная выпивкой голова лишили его способности ориентироваться, и он почему-то бросился в обратную сторону, к кладбищу. Что ж, тем лучше. Когда они вбежали на кладбище, Призрак снова сбил аристократа с ног, мгновенно перевернул на спину, сжал коленями туловище и занес над горлом саблю. Ярость ассасина получила выход. Готовясь убить пьяного аристократа, Призрак напоминал себе, что этот человек... да, этот человек еще совсем недавно смеялся, глумясь над беззащитной женщиной.

Для Итана настало время покинуть Амритсар, но его всерьез беспокоила одна особенность, проявившаяся в характере Джайдипа, и он решил переговорить о ней с родителями ученика. Исход разговора вызвал настоящее потрясение в семье Арбааза. Он ожидал услышать от Итана, что англичанин выполнил свое обещание: развить таланты младшего Мира и направить их в нужное русло, чтобы Джайдип смог перейти на следующую ступень обучения. На этой стадии не было никаких постановочных боев или predeterminedного итога схваток, эта новая для молодого ассасина глава должна была определить его будущее... Иными словами, Арбааз ожидал услышать от Фрая, что Джайдипу предстоит испытать свои навыки в реальном деле.

Однако...

– Я сомневаюсь в его готовности, – без обиняков заявил англичанин.

Арбааз взял в руки кусок хлеба.

– Тогда, Итан, ты никак не можешь уехать, – с улыбкой произнес он, надламывая хлеб. – Таково было наше соглашение.

Джайдип часто, лежа в своей кровати, слышал разговоры Арбааза и Итана, доносившиеся со двора их дома, о приключениях прошлых лет: о бриллианте Кохинур, об охоте Арбааза за этим камнем. Иногда к беседам присоединялась мать Джайдипа, и тогда все трое погружались в воспоминания. Джайдипу имена Александра Бернса и Уильяма Слимэна[5 - Александр Бернс (1805–1841) – английский дипломат. Уильям Слимэн (1788–1856) – английский военный, начальник колониальной администрации. Известен своей непримиримой борьбой с индийской сектой душителей.] не говорили ничего, однако для его родителей они были дверями в другой мир, полный опасных и волнующих событий.

– Я уже сообщил, что возвращаюсь, – сказал Итан. – Меня ждут, и я не смею обмануть их ожиданий. Можешь не сомневаться, Арбааз: я все равно уеду.

– Тогда я чего-то недопонимаю. По нашему соглашению ты брался обучать Джайдипа, пока он не будет готов испытать полученные навыки в реальном деле.

Джайдип сидел рядом с матерью, ощущая себя невидимкой. Взрослые обсуждали его будущее и, казалось, даже не замечали присутствия ребенка. Такое случалось далеко не впервые: чем важнее тема, тем меньше вероятность, что взрослые поинтересуются его мнением. С ним никогда не говорили о его будущем, да Джайдип и не ждал подобных разговоров. Он прочно усвоил: пока тебе не позволили высказаться насчет собственной судьбы, молчи.

– В таком случае, мой старый друг, я жду от тебя более подробных объяснений, – сказал Арбааз. – На протяжении нескольких лет, проведенных с нами, ты уверял меня, что Джайдип – самый талантливый юный ассасин из всех, какие тебе встречались. Зная твою сдержанную манеру, мы понимали: ты хотел сказать, что Джайдип – самый талантливый ассасин в мире. И это отнюдь не преувеличение! Вначале он обучался у меня, потом перешел под твоё заботливое крыло. Я и сам видел: мальчик необычайно одарен и у него практически нет недостатков. Насколько я понимаю, ты придерживался такого же мнения, если только... твои слова не были медоточивой лестью. И вдруг накануне отъезда ты объявляешь, что мой сын не готов. Прости мне мое замешательство. В чем же именно заключается неготовность этого одаренного и хорошо обученного мальчика, чей наставник собирается отплыть домой? И главное, почему он оказался не готов?

В отцовском голосе, с каждым словом становившемся все громче, отчетливо звучало раздражение. И даже хлебная крошка, приставшая к нижней губе, не делала отца менее грозным. Джайдип сжался. Мать также казалась обеспокоенной.

Только Итан сохранял невозмутимость. Он смотрел на обескураженного Арбааза, и взгляд англичанина оставался непроницаемым.

– Согласен, твой мальчик обладает изумительными врожденными способностями. Верно и то, что из его природного таланта мне удалось вылепить юного ассасина, чей уровень значительно превышает обычные требования. Я же, со своей стороны, многому научился у Джайдипа. Это отчасти является причиной моего отъезда. Я намерен вернуться в Англию, и хлебные крошки, летящие от тебя, мой старый друг, не заставят меня изменить решение.

Понимая двойной смысл сказанного, сконфуженный Арбааз вытер рот. Губы его начали складываться в улыбку.

– Но почему? – требовательно спросил он. – Почему ты покидаешь нас в такое ответственное время, когда мог бы еще очень многому научить моего сына?

Итан улыбнулся. Это была не столько улыбка, сколько добрый, заботливый взгляд. Англичанин посмотрел вначале на родителей Джайдипа, потом на своего ученика.

– У вашего сына нет инстинкта убийцы. Мальчик способен на убийство и, несомненно, будет убивать, но у него нет того, что есть у нас, у тебя и у меня. Или же, наоборот, он обладает тем, чего лишены мы.

Арбааз склонил голову. Его лицо стремительно покраснело.

– Ты говоришь, что мой мальчик – трус?

– Ради бога, Арбааз! – со злостью почти прикрикнул на старого друга Итан. – Ничего такого я, черт побери, не говорю. Джайдип такой, какой он есть. Если отправить его на реальное задание, он либо провалит миссию, либо...

– Я не провалю задание, – вдруг возразил Джайдип.

Он и сам удивился произнесенным словам. Теперь его наверняка отчитают или подвергнут более серьезному и болезненному наказанию: во-первых, за то, что заговорил без разрешения, а во-вторых, за столь хвастливое, ничем не подкрепленное заявление.

Но отец с гордостью посмотрел на сына и даже потрепал его по плечу, отчего Джайдип преисполнился уверенности в себе и своих силах.

Итан словно не видел этого. Его внимание было обращено к Пьяре.

– В этом нет ничего постыдного, – сказал он.

Ее глаза потеплели. Она втайне лелеяла надежду, что, быть может, ее семья наконец-то перестанет проливать кровь.

– Джайдип может служить братству иными способами. Из него выйдет прекрасный учитель. Непревзойденный тактик. Человек, определяющий политику братства. Он вполне может стать великим лидером. Кто-то должен заниматься всем этим. У Джайдипа это получится. Но воином он... не станет никогда.

Арбааз больше не мог сдерживаться. Пьяра сохраняла спокойствие и решимость. Она не впервые видела вспышки мужниного гнева, но никогда не уступала ему.

– Знай же, Итан Фрай! Мой Джайдип будет великим воином. Он станет непревзойденным ассасином, наставником индийского братства...

– Для этого не обязательно...

– Нет, обязательно! Вначале он проявит себя в настоящих сражениях. Там он покажет себя воином и ассасином.

– Он не готов, – покачал головой Итан. – Прости, Арбааз, если мои слова разбивают тебе сердце, но мое мнение таково: он никогда не будет готов.

Арбааз хмыкнул, потом встал, велел подниматься и Джайдипу. Пьяра украдкой смахнула слезу и тоже встала. Она разрывалась между тревогой за сына и честью семьи. Второе удерживало ее от возражений вслух.

– Что ж, Итан, ты высказался. Но это лишь твое мнение. Как ты думаешь, Джай, не пора ли показать нашему английскому другу, что он ошибается?

Джайдипу тогда не было и десяти. Он еще не знал, что станет Призраком, но ему отчаянно хотелось порадовать Арбааза. Ведь отец был для него всем.

– Да, отец.

Дорогой Арбааз!

Шесть лет прошло с тех пор, как я покинул Индию и вернулся в Англию. Столько же лет минуло с момента нашего последнего разговора. Слишком уж долго мы не общались с тобой, мой старый друг.

Боль, связанная с утратой моей любимой жены Сесилии, по-прежнему велика, но я понял, что выражать скорбь можно по-разному. Я избрал способ, который Сесилия, несомненно, одобрила бы: отбросил все свои прежние обиды и предрассудки и стал выстраивать отношения с Иви и Джейкобом. Мне стыдно и горько, что когда-то я считал их виновными в смерти жены. Я делаю все, что в моих силах, дабы возместить им годы, проведенные без отца.

На это меня подвигло время, проведенное с твоим удивительным сыном Джайдипом, за что я вечно благодарен вам обоим. Джайдип помог мне встать на путь просветления, а это, в свою очередь, заставило меня произвести переоценку своих взглядов. Арбааз, как ни печально признаваться, но это укрепило мою решимость в вопросах, что тогда вбили клин между нами. И это же побуждает меня ныне возобновить наши контакты.

Поясню. Становясь ассасинами, мы усваиваем определенную философию. В отличие от тамплиеров, делящих население планеты на пастухов и овец, мы видим миллионы ярких пятнышек. Мы видим разумных существ, наделенных чувствами, и у каждого – свои способности и свои возможности трудиться на общее благо.

Во всяком случае, нам так нравится думать. Нынче меня не покидает вопрос: всегда ли мы следуем этой философии на практике? Обучение юных ассасинов начинается с ранних лет; мы вкладываем меч в их ручонки, едва они научатся ходить. Мы учим их ценностям, унаследованным от прежних поколений. Мы лепим из них людей, склонных к определенным предубеждениям и дискриминации. Но прежде всего, в нашем конкретном случае, мы растим из наших детей убийц.

То, что мы делаем, – правильно. Прошу тебя, не считай мои слова признаком идеологических сомнений. Моя убежденность в том, что братство выступает за свободу и справедливость во всем мире, сейчас крепче, чем когда-либо. Однако, дорогой Арбааз, я сомневаюсь в правильном применении нашей идеологии, и эти

сомнения не дают мне спать по ночам. Не калечим ли мы наших детей, пытаюсь лепить их по нашему образу и подобию, когда, по сути, мы должны были бы учить их идти собственным путем? Не получается ли, что мы только на словах следуем принципам, которые считаем основополагающими?

В воспитании своих детей я попытался пойти иным путем; не тем, каким в прошлом шел сам, и не тем, каким мы шли с Джайдипом. Вместо того чтобы преподносить им наше учение, я постарался дать им инструменты для самообучения.

Мне приятно видеть, что траектория их пути совпадает с моей. Как ты знаешь, в Лондоне влияние ассасинов сильно уменьшилось. Мощь нашего братства здесь невелика, тогда как тамплиеры во главе с великим магистром Кроуфордом Старриком действуют весьма успешно. Их проникновение в ряды городской элиты превзошло наши худшие опасения. Мы уверены: они что-то замышляют. Что-то грандиозное. Наступит день, когда Иви и Джейкоб включатся в борьбу против тамплиеров.

Но не раньше, чем они будут готовы. Арбааз, обрати внимание на эти мои слова. Я позволил детям идти их собственным путем, и принцип, которого я придерживаюсь, таков: настоящими ассасинами они смогут назвать себя не раньше, чем я удостоверюсь, что они не только физически, но и умственно подготовлены к выполнению своей миссии. Я поступаю так, ибо сознаю индивидуальные особенности каждого человека. Кто-то из нас лучше подходит для движения в одном направлении, а кто-то – в другом. Мы можем называться ассасинами, однако не все из нас по своей природе могут быть ассасинами.

Сказанное относится и к Джайдипу. Я представляю, как все это сокрушает твое сердце. Ведь он – твой сын. Ты сам великий ассасин, и у Джайдипа есть задатки стать таковым. Но в одном я уверен: каким бы опытным и одаренным он ни был в том, что касается способов убийства, Джайдипу не хватает желаний убивать.

Он может убить. Да, если понадобится, Джайдип убьет. Он сделает это не задумываясь, если ему самому или тем, кого он любит, будет грозить опасность. Но станет ли твой сын убивать во имя идеологии? Во имя нашего учения?

Способен ли он на хладнокровное убийство?

Вот почему я взялся за перо именно сейчас. До меня дошли тревожные вести о том, что Джайдипу дано первое настоящее задание.

Однако прежде всего я хочу выразить горячую признательность за то, что шесть лет назад ты всерьез отнесся к моим предостережениям и отложил пролитие первой крови до тех пор, пока Джайдипу не исполнится семнадцати лет. Я искренне благодарю тебя за это и восхищаюсь твоей мудростью и выдержкой. Но, по моему мнению, Джайдип и сейчас не обладает внутренней решимостью, необходимой для выполнения такого задания, и она у него никогда не появится.

Попросту говоря, Джайдип отличается от нас с тобой. Возможно, и от Иви с Джейкобом тоже. Далее. По моему убеждению, которое целиком согласуется с основополагающими ценностями братства, нам следует признать в нем это отличие. Нам следует порадоваться его индивидуальности и найти ей полезное применение, а не пытаться ее отрицать и избавляться от нее, загоняя молодого человека в грубые, уродливые рамки.

Иными словами, отправляя Джайдипа на задание, ты провоцируешь нечто худшее, нежели твоя гневная досада (воображаемая, спешу добавить) по поводу того, что сын не в состоянии идти по твоим прославленным стопам. Здесь речь идет уже о настоящем позоре из-за полного провала.

Прошу тебя: пожалуйста, освободи Джайдипа от этого задания. Взгляни на мальчика по-новому. Твой сын обладает необычайными способностями. Обрати лучшие из них во благо братству, но не пытайся уповать на то, чего ему не дано. От этого будет только хуже.

Надеюсь, что в ответном письме ты сообщишь о принятом решении. Я очень рассчитываю на проявление тобой мудрости и выдержки, о которых я с похвалой отзывался выше. Арбааз, ты доверял мне в прошлом. Прошу тебя, поверь мне и на этот раз.

Как всегда твой,

Итан Фрай

Лондон

Расшифрованный текст письма Арбааза Мира Итану Фраю:

Итан, благодарю тебя за письмо. Однако меня огорчает, что ты взялся строить мосты через столь бурные воды. Способности Джайдипа как ассасина бесспорны. Ты отточил его навыки. Я за эти годы развивал в нем моральные качества, необходимые для применения этих навыков на практике. Ты, Итан, любишь выражаться просто, а потому я напишу без обиняков. С тех пор как ты в последний раз видел Джайдипа, прошло шесть долгих лет, и потому не тебе судить о его пригодности к ремеслу ассасина. Мой сын изменился. Да, Итан, он вырос и обрел то, чего ему недоставало. Уверен, он готов совершить кровопролитие и выполнит порученное задание. Его цель – тамплиер низкого ранга, устранение которого продиктовано необходимостью предупредить наших врагов, что мы не потерпим усиления их присутствия в Индии. Прости, если мои дальнейшие слова заденут тебя и нашего лондонского друга Джорджа Уэстхауса, но мы считаем, что здесь тамплиеры не должны чувствовать себя столь же вольготно, как в Лондоне, ибо мы знаем, к чему это приводит.

Еще раз благодарю тебя за письмо, Итан. Я верю и надеюсь, что фундамент наших отношений достаточно крепок и расхождение во взглядах не станет концом нашей великой дружбы. Однако решение я принял, и подобно тому, как ты придерживаешься своих принципов, я придерживаюсь своих.

Как всегда твой,

Арбааз Мир

Амритсар

Расшифрованный текст послания, отправленного Джорджу Уэстхаусу в Лондон:

Прошу немедленно сообщить Итану Фраю: Джайдип Мир помещен во «Тьму».

Дверь за ним шумно закрылась. Факелы на стенах освещали каменные ступени, ведущие ко второй двери.

Итан шел вслед за Аджаям – стражем и хранителем комнаты собраний. Лица обоих скрывали глубоко надвинутые капюшоны, что лишь подчеркивало мрачный характер темного и холодного места, по которому они шли. Вдобавок на поясе Аджая висел кривой меч, а когда хранитель открывал дверь, Итан мельком увидел скрытый клинок. Да, если понадобится, Аджай исполнит свой долг. Потом наверняка будет сожалеть о содеянном, но тем не менее он не отступит.

Это место называлось «Тьмой» и представляло собой подземелье под зданием штаб-квартиры братства в Амритсаре. Подземелье разделялось на тесные комнатки. Формально они предназначались для хранения документов и арсенала, но их сумрачная атмосфера и схожесть с тюремными камерами наводили на мысль, что в прошлом здесь обсуждали заговоры и допрашивали врагов. Поговаривали, будто однажды во «Тьме» даже родился ребенок, но этой истории не слишком верили.

Однако сегодня «Тьма» оправдывает свою репутацию, ибо именно сегодня она принимает гостя.

Аджай провел Итана через вторую укрепленную дверь. За ней был тускло освещенный коридор, по обеим сторонам которого находились еще две двери. Дойдя до конца коридора, хранитель отпер дверь с маленьким смотровым отверстием. Он отступил в сторону и слегка поклонился, пропуская посетителя внутрь. Итан переступил порог. Каким бы надобностям ни служила эта комнатка прежде, ее превратили в тюремную камеру. Обстановку дополняла деревянная койка.

Из уважения к Итану Аджай оставил ему фонарь, после чего вышел и закрыл дверь. Лампа осветила угрюмые каменные стены, и Итан смог разглядеть лицо своего повзрослевшего ученика. Последний раз они виделись более шести лет назад. У Итана защемило сердце. Такого унижения он не ожидал.

Джайдип сидел в углу, скрестив ноги. Пол камеры был устлан грязной соломой. Все время, пока Итан плыл из Англии в Индию, парень провел здесь. Несколько недель. Разумеется, здесь не пахло жасмином, да и пребывание в холодной темной камере не способствовало здоровью Джайдипа. И все равно Итана поразило обличье бывшего ученика. За эти годы Джайдип превратился в обаятельного юношу с блестящими пронизательными глазами, темными волосами, что иногда налезали ему на лоб и мешали смотреть, и безупречной кожей каштанового цвета. «Он разобьет не одно сердце», – подумал Итан, стоя возле двери.

Англичанин отогнал посторонние мысли. Вначале надо исполнить то, ради чего он здесь.

Он поднес к лицу кулак, закрыв нос и рот и пытаясь привычным запахом собственной кожи несколько заглушить зловоние камеры. Но этот жест выдавал и его смятение при виде жутких условий, в каких содержался бывший ученик. Мысль о том, что он мог бы вмешаться раньше и предотвратить сложившуюся ситуацию, лишь обостряла в Итане чувство вины, которое вспыхнуло с новой силой, когда Джайдип оторвался от созерцания своих коленей и поднял глаза. От его взгляда сердце Итана было готово разорваться. Благодарность, облегчение, печаль и стыд – все это английский ассасин прочел в глазах узника.

– Здравствуйте, учитель, – просто сказал Джайдип.

Итану было не слишком приятно садиться на грязную солому, но он все-таки опустился рядом с Джайдипом. Они снова были вместе. Только обстоятельства сильно изменились. Прошлое, когда они вели беседы, наслаждаясь ароматом жасмина, было далеким и недостижимым.

Итан потрогал лохмотья, в которые был одет Джайдип.

– Тебе даже не позволили остаться в своем платье?

Джайдип бросил на Фрая печальный взгляд:

– Это еще не все.

– В таком случае почему бы тебе не рассказать о случившемся? – предложил Итан.

Теперь Джайдип усмехнулся.

– Вы хотите сказать, что ничего не знаете?

Прибыв в Амритсар, Итан сразу же почувствовал раздрай, царивший в местном братстве. Присутствие ассасинов было заметно сильнее обычного, поскольку они вовсю пытались замять последствия случившегося. Фрай, конечно же, знал, что? произошло с Джайдипом. И тем не менее...

– Я хочу услышать эту историю из первых уст.

– Мне трудно об этом говорить.

– А ты постарайся.

Джайдип вздохнул:

– Учеба у вас укрепила мои тело и разум. Я отлично умел мгновенно откликаться на действия противника, атаковать и защищаться, рассчитывать, предугадывать и выстраивать стратегию. Я был готов для настоящих действий. Готов во всем, кроме одного. Учитель, вы оказались правы: во мне не было желания убивать. Как вы сумели разглядеть это во мне?

– Если бы я тебе сказал, что понял это, когда ты сменил деревянный кукри на настоящее оружие, ты бы в это поверил?

– Я бы подумал, что вы чего-то мне недоговариваете.

– И ты был бы прав, Джайдип. Правда в том, что в твоих глазах было то же выражение, какое я видел во взгляде моих жертв. У них не хватало духу убивать самим. Это была слабость, которой я пользовался, чтобы вонзить в них скрытый клинок.

– И то же самое вы увидели во мне?

– Да. И оказался прав, не так ли?

– Мы тогда подумали, что вы ошиблись. Отец считал, что готовность убивать – просто черта характера и ее тоже можно развить. Он показывал мне, как это надо делать. Мы упражнялись... на животных.

– Убийство животного очень сильно отличается от...

– Теперь я это знаю, – довольно резко ответил Джайдип.

Но тень прежних отношений учителя и ученика проскользнула между ними, и юноша опустил глаза в безмолвной просьбе о прощении.

– Теперь я это знаю, учитель, и, поверьте мне, сожалею о случившемся.

– Однако вы с отцом считали, что ты готов оборвать жизнь человека. Сделать напрасными прожитые им годы, отобрать у него те, что он бы еще мог прожить, принести горе его семье. Это могло ограничиться скорбью и страданиями, а могло бы породить ответную месть, и она бы растянулась на десятилетия. Возможно, и на столетия. Вы с отцом чувствовали, что готовы запустить цепь таких событий?

– Учитель, прошу вас, не усугубляйте моих страданий. Да, вы были правы, и в свете того, о чем вы говорили, наши приготовления показались бы вам ужасающе хлипкими. Какой ассасин решился бы утверждать обратное? Однако все навыки остаются теорией, пока не применишь их на практике. Пришел мой черед стать практиком. Первой жертвой был избран индийский тамплиер по имени Тжиндер Дани. По нашим сведениям, этот человек намеревался устроить в Амритсаре тамплиерский форпост.

– Чем было приказано его казнить?

– Гарротой.

Итан мысленно выругался. Гаррота. Из всех орудий выбрали именно ее. Особых навыков для пользования гарротой не требовалось, зато требовалась решимость. Навыков Джайдипу было не занимать, чего не скажешь о

решимости. Чем, черт побери, руководствовался Арбааз при выборе оружия?

– Поздно вечером мы с отцом верхом отправились туда, где жил Дани, – продолжал Джайдип. – Один из наших людей подкупил ночного сторожа и добыл ключ. Мы остановились недалеко от дома Дани, получили ключ, заплатили нашему агенту и, поблагодарив за работу, отправили восвояси.

«Свидетель», – подумал Итан. Уже лучше.

– Я знаю, о чем вы думаете. Я бы и сам мог открыть замок.

– Ты же прекрасно владеешь отмычками.

– Агент нам сообщил, что Дани ожидал нападения, а потому в течение дня он пребывал под неусыпным вниманием телохранителей. Наши враги почему-то рассчитывали на дневное покушение, которое наверняка спровоцировало бы публичное столкновение наших сил. Вот почему нужно было любой ценой избежать вовлечения многих ассасинов и тамплиеров в это дело. Поэтому мы выбрали ночное вторжение и стали собирать сведения. Разузнали, что? наша жертва делает по вечерам и когда ложится спать.

– И сбором сведений занимался не кто иной, как ты?

– Да. Я узнал, что на ночь Дани запирает входную дверь на засов и ставит сигнальные приспособления. Если кто-то попытается вторгнуться к нему через дверь или окно, Дани будет оповещен. Ключ, который мы заполучили, был не от комнаты Дани и даже не от входной двери его дома. Рядом с домом находился склад. Вот туда-то я и смог беспрепятственно войти, воспользовавшись ключом. Раз есть склад, неудивительно, что его охраняют трое сторожей. Так это выглядело внешне. Но я знал: «сторожами» были тамплиеры. Они следили за тем, чтобы никто из ассасинов не забрался по стенам дома или склада. В предусмотрительности им не откажешь. Они охраняли оба здания снаружи, тогда как внутри у Дани тоже была устроена сигнализация. Проникновение внутрь требовало умения передвигаться бесшумно и прочих тактических хитростей. С этой задачей я справился.

Я затаился в тени, собираясь с силами и подбадривая себя тем, что неподалеку меня ждет отец с лошадьми. Когда я выполню задание, мы немедленно скроемся

отсюда. Одновременно я наблюдал за караульными, изучая их особенности.

Естественно, я не раз бывал здесь ночами. Я узнал, что караульные согласовывают свои действия. Главным для них было не позволить противнику влезть на стены. Под плащами они прятали арбалеты и метательные ножи. Делая обход, держались на безопасном расстоянии друг от друга. Это предотвращало быстрое двойное убийство. И потому, убей я одного караульного, остальные сразу бы об этом узнали. Я не сомневался в опытности и подготовленности тамплиерских караульных. Вот почему мне понадобился ключ.

– Ключ от двери склада?

– Да. Еще утром я тщательно смазал замочную скважину. Оставалось дожидаться благоприятного момента. Затем я начал действовать. Бесшумно пересек площадку за складом и оказался возле задней двери, достал ключ, вставил в замочную скважину. Звук был приглушенным: всего-навсего тихий щелчок густо смазанного механизма. Мне же он показался громким, как ружейный выстрел, хотя в действительности этот звук растворился среди прочих ночных звуков, на которые обычно не обращают внимания. Войдя, я запер дверь изнутри, но ключ оставил себе. Уходить отсюда я собирался тем же путем... Во всяком случае, так мне тогда казалось. Но я ошибся.

Джайдип уронил голову на грудь и стал заламывать руки, мучимый воспоминаниями.

– Склад внутри был пуст. Только дощатый стол и несколько стульев. Возможно, тамплиеры нашли помещению иное применение. Трое сторожей охраняли пустой склад. Кому скажи – посмеется. А вот разместить еще одного караульного в самом помещении – такое тамплиерам и в голову не пришло... Итак, оказавшись внутри, я стал подниматься вверх, затем по лестнице выбрался на крышу склада. Там, прячась в тени, я развязал и снял шейный платок. Вы спрашивали, почему мне не оставили одежду ассасина. Я ее не надевал. На мне не было плаща с капюшоном. Я был одет так же, как сейчас. Попадись я на глаза караульным, меня бы сочли заурядным уличным бродягой, вlepили бы затрещину и велели проваливать. Если бы им вздумалось меня обыскать, они бы тоже не нашли ничего подозрительного. Только монету в кармане. Но разве у бродяги не может быть монеты?

Итан понимающе кивал. Он знал это оружие. Монета помещалась внутрь платка, тот сворачивался в несколько слоев, превращаясь в лумаль – разновидность гарроты, или удавки. Монета упиралась в горло жертвы, повреждала глотку и вызывала быструю смерть. Вдобавок монета не позволяла жертве закричать. В арсенале ассасинов лумаль считался простым, но весьма эффективным оружием. Только теперь до Итана дошло, почему Арбааз выбрал именно это оружие и поручил убийство тамплиера не кому-нибудь, а Джайдипу.

– Продолжай, – попросил Фрай.

– Я легко перепрыгнул на крышу дома Дани. Там, стараясь держаться в тени и помня о троих караульных внизу, я подполз к задвижке люка. В комнате Дани имелся выход на крышу. У меня за ухом было припрятано немного жира для смазки. Я воспользовался им для задвижки, которую открыл с величайшей осторожностью. Оставалось спуститься в темное пространство комнаты.

Кажется, я перестал дышать. Сердце громко стучало. Но вы всегда меня учили, что легкий страх полезен. Он заставляет нас быть осторожными и помогает остаться в живых. До сих пор ничто в моей миссии не давало оснований для беспокойства. Все шло по плану.

Я оказался в комнате Дани и увидел сигнализацию, протянутую от двери и окна. Это были тонкие веревки, которые через систему блоков соединялись с колокольчиком. Он висел на потолке, неподалеку от люка. До сих пор я обычно входил в дома через парадный вход.

Человек, которого мне надлежало убить, спал в своей постели. За несколько недель приготовлений я успел многое узнать о нем... Мне стало тяжело дышать. В висках стучало. Кровь пульсировала в одном ритме с моим учащающимся сердцебиением. У меня начинали сдавать нервы.

Итан прервал рассказ Джайдипа.

– Пока ты собирал сведения о Дани, он в твоих глазах все больше становился человеком, не так ли? Ты незаметно стал думать о нем как о личности, а не как о цели.

– Оглядываясь назад, я понимаю, что и здесь вы правы, учитель.

– И кто бы мог подумать, что все так обернется? – спросил Итан, тут же пожалев о своем неуместном сарказме.

– Даже если бы я и подумал, было уже слишком поздно. В смысле, слишком поздно что-либо менять. Я не мог повернуть назад. Я, ассасин, находился в комнате спящего человека. Моей жертвы. Я должен был действовать. У меня не оставалось иного выбора, как только выполнить порученное задание. Вопрос о том, готов я или нет, утратил значимость. Точнее, вопрос о моей готовности сменился вопросом о действии. Или убить, или провалить задание.

– Учитывая, где мы сейчас с тобой находимся, думаю, легко догадаться, что произошло потом.

И вновь Итан пожалел о легкомысленно произнесенной фразе. Когда их разговор окончится, он встанет, отряхнет с плаща грязную солому, позовет хранителя и уйдет, а Джайдип останется в этой темной сырой камере. Нет, сейчас не время для остроумных комментариев. Итан постарался представить ту ночь. Темная комната, спящий человек. Недаром говорят, что невиннее всего человек выглядит во сне. А рядом – Джайдип, который стоит, затаив дыхание, и мнет в руке платок. Он собирается с духом, чтобы удавить тамплиера, торопливо засовывает в платок монету и...

Монета выпала из юношеских рук и громко зазвенела, коснувшись пола.

– Тебя подвела твоя гаррота? – спросил Итан своего ученика. – Монета выпала из платка?

– Откуда вы узнали? Я никому не рассказывал.

– Визуализация, мой дорогой мальчик. Разве я не учил тебя этому искусству?

Впервые за все время их разговора губы Джайдипа тронула улыбка.

– Учили. И очень тщательно. Я постоянно применяю эту технику.

– Но тогда тебе было не до нее?

Едва появившуюся улыбку сменила глубокая печаль.

– Да, тогда мне было не до визуализации. Я слышал лишь бурление крови в голове. И еще – отцовский голос, требовавший сделать то, ради чего я послан. Стук упавшей монеты был для меня полной неожиданностью. Дани проснулся, и его реакция была быстрее моей.

– Тебе нужно было удавить Дани сразу же, как только ты очутился в его комнате. – Итан вдруг почувствовал злость. – Нужно было воспользоваться шансом и действовать. Ты замешкался и все провалил. О чем я всегда тебе говорил? Что ты постоянно слышал от отца? Замешкался – считай, погиб. Проще не скажешь. Убийство – это не рассуждение, а действие. Подготовка к убийству требует тщательного обдумывания. Тогда ты перебираешь варианты, взвешиваешь каждую мелочь, стремишься образно представить себе, как это будет происходить. Тогда еще допустимы и разные задние мысли, и сомнения. Потом наступает момент, когда ты достигаешь уверенности. Ты чувствуешь, что справишься с заданием. Ты не просто уверен, ты абсолютно уверен в своей готовности. И когда ты оказываешься перед своей целью, то не рассуждаешь, не колеблешься, не мешкаешь. Ты только действуешь.

Глаза Джайдипа были полны слез.

– Теперь я это знаю, – сказал он, глядя на своего учителя.

Итан коснулся руки юноши:

– Понимаю. Прости меня... Расскажи, что было дальше.

– Дани оказался проворным. В этом надо отдать ему должное. И не только в этом. Во многом другом тоже. Он был быстр и к тому же силен. Дани молниеносно выскочил из постели, что при его возрасте и комплекции стало для меня полной неожиданностью. Я в тот момент был практически безоружен. Он схватил меня и толкнул спиной к окну.

Мы оба вылетели из комнаты. Пробили ставни и оказались на уличных булыжниках. Спасибо кустарникам – они смягчили падение. Я потом думал о нашем поединке. Наверное, тогда я надеялся, что во мне пробудится все, чему я учился. Инстинкт, если хотите. Ничего подобного. Я сумел расцепиться с Дани.

Все тело ломило. Я находился в ступоре, тщетно пытаюсь прийти в себя. А на нас уже смотрели из окон соседнего дома. Затем послышался топот бегущих ног. Сюда спешили караульные.

У меня нестерпимо болела голова. Ничуть не меньше болело ушибленное бедро. Дани подскочил ко мне. Его зубы были оскалены, выпученные глаза горели ненавистью. Он схватил меня за горло.

Ни он, ни я не слышали цокота приближающихся копыт. Отправляясь туда, мы с отцом обернули копыта наших лошадей мягкими тряпками. И теперь отец скакал по камням беззвучно, словно призрак. Я первым увидел его – всадника в плаще. Еще мгновение, и отец поравнялся с тамплиером. Одна рука держала поводья, вторая была согнута в локте. Отец шевельнул пальцами, и под луной блеснула сталь скрытого клинка. Потом он намотал поводья на руку и дернул, заставив лошадь встать на дыбы. На мгновение мне показалось, что я вижу не отца, а грозного воина-ассасина из легенды. Его глаза блестели, предвещая смерть. Его намерение убить было под стать оружию – таким же сильным и непоколебимым. Я увидел человека, уподобиться которому не смогу никогда. Возможно, тогда я и понял, что потерпел сокрушительное поражение.

Наверное, и Дани – моя несостоявшаяся жертва – почувствовал смерть, надвигавшуюся сзади. Но было слишком поздно: отцовский клинок вонзился Тжиндеру в макушку и достиг мозга. Смерть наступила через мгновение. У Дани закатились глаза, челюсть отвисла. Затем по лицу промелькнула судорога невероятной боли, и... все.

Отец поспешно выдернул клинок. С лезвия сорвались капельки крови, и сейчас же отец снова пустил свое оружие в ход, полоснув по горлу подбежавшего караульного. Тот рухнул в красную пелену собственной крови, даже не успев выхватить меч. Не останавливаясь, отец взмахнул рукой в другом направлении. Его клинок встретился с мечом второго караульного. Громко и резко зазвенела сталь. Наверное, так бы зазвенел колокольчик в комнате Дани, если бы я задел веревки. Караульный попятился назад. Я и глазом не моргнул, как отец спрыгнул с лошади и быстро выхватил меч, успев нанести еще один удар клинком.

Поединок со вторым караульным кончился в считанные секунды. Отец двигался с молниеносной быстротой. Я видел сплошное мелькание лезвий и складок его плаща. Караульный оборонялся против отцовского меча, отставляя другой бок неприкрытым. Отец воспользовался этим, воткнув клинок в подмышку

караульного.

Тот упал. Его мундир был весь в крови. Бульжники вокруг него влажно блестели. Я знал: еще несколько минут, и он умрет от потери крови. Или захлебнется ею, если...

– Если лезвие пробило легкие. Да, я учил тебя таким ударам.

– Возможно, остальные люди Дани припоздали. А может, увидев, как сражается отец, решили, что благоразумие превышает храбрости. Не знаю. Отец молча вскочил на лошадь, усадил меня позади, и мы умчались из этого ада.

Повисла долгая пауза. Итан ощущал душевную травму Джайдипа почти как свою собственную. Тут было о чем задуматься. Своими действиями юноша нарушил два из трех основополагающих принципов ассасинов. Ему не удалось скрыться у всех на виду, и, хуже того, он подставил под удар братство.

– Я знаю, о чем вы думаете, – нарушил молчание Джайдип. – Вы думаете, что я трус.

– В таком случае ты не знаешь, о чем я думаю, ибо думаю я совсем о другом. Между мыслью и действием лежит целый мир различий. Но одно я знаю наверняка: ты, Джайдип, вовсе не трус.

– Тогда почему же я не смог нанести смертельный удар?

Итан закатил глаза. Неужели тогда никто, черт побери, не слышал ни слова из того, что он говорил?

– Потому что ты не убийца.

И вновь стало тихо. От Джайдипа веяло такой печалью, что Итан невольно подумал: «В каком же это мире мы живем, если скорбим о неспособности убивать?»

– Что сказал тебе отец по пути домой?

– Ничего, учитель. Он не произнес ни слова. Но его молчание было куда красноречивее, и оно продолжается до сих пор. Он ни разу меня не навещал. И мать тоже не приходила.

Итан почувствовал нарастающее раздражение. «Чертов тиран, запихнувший собственного сына в эту дыру».

– Ассасины наверняка запретили твоей матери навещать тебя.

– Да.

Итан вполне понимал и то, какие чувства испытывал Арбааз. Он живо представил, как отец и сын подъехали к дому, где Джайдип пошел к себе молча переживать позор, а Арбааз поехал к Хамиду, наставнику братства. В ту же ночь Джайдипа подняли с постели, набросили на голову черный капюшон и поволокли сюда, во «Тьму». Неужели и Арбааз участвовал в заключении собственного сына? А может, он и руководил арестом?

Итан встал.

– Джайдип, я приложу все силы, чтобы вытащить тебя отсюда. В этом можешь быть уверен.

Он позвал Аджая: сначала по-английски, затем на хинди. И пока Итан ждал хранителя, он поймал на себе печальный взгляд юноши, утратившего всякую надежду.

Итан с Аджаем проделали короткий обратный путь вверх и снова поднялись в комнату собраний. Здесь англичанин увидел второго хранителя – впечатляющего вида женщину. Она стояла, слегка расставив ноги. Обе ее руки сжимали эфес громадного меча, острие которого упиралось в каменные плиты пола возле ног. Стражница бесстрастно взирала на Итана из-под капюшона.

– Это Кулприт, – представил женщину Аджай, кивнув щетинистым подбородком в ее сторону. – Она лучше всех в братстве владеет мечом.

Однако меч, с которым она стояла, вряд ли годился для сражений: его длинное и плоское лезвие...

- Когда? - спросил у стражницы Итан.

- Завтра утром, - ответила Кулприт.

По ее глазам Итан понял, что говорит с палачом Джайдипа.

15

- Спасибо, что согласился встретиться со мной.

Итан имел все основания опасаться, что Арбааз откажет ему во встрече. Хотя Фрай не был виноват в случившемся с Джайдипом, но, по мнению самого Арбааза, часть вины все же лежала и на Итане. Свою роль сыграл и их обмен письмами.

Но даже если бы Итану отказали во встрече, это бы его не остановило. Он приехал в Амритсар для спасения жизни Джайдипа Мира и не собирался уезжать, пока не выполнит намеченное.

Неудивительно, что старый друг встретил Фрая настороженно. Лицо Арбааза было изможденным и осунувшимся, глаза - уставшими от тревог и бессонных ночей. Итан представил, какие муки и терзания испытывал этот человек. Попробуй устоять, когда тебя разрывает между сыновним позором, родительской любовью и долгом перед братством!

Тяготы последних недель освобождали Арбааза от роли гостеприимного хозяина. Итану не предложили ни хлеба с оливками, ни вина. Не было и теплой встречи. Фрая повели по прохладным мраморным коридорам дома Арбааза, и он был разочарован тем фактом, что Пьяра не вышла его встречать - тогда бы у него появилась союзница. Англичанина привели в одну из комнат задней части дома, где он когда-то занимался с Джайдипом. Тогда помещение приглянулось Итану спартанским убранством и отсутствием украшений. Ничего лишнего. Сегодня здесь не было даже горячего чая. Простой тканый ковер на стене, два стула с жесткими спинками, дощатый стол и, конечно, особая атмосфера этого

места.

– Итан, не стоит превратно истолковывать причины, заставившие меня согласиться на встречу с тобой. Мне нужно кое о чем тебя спросить.

Такое начало насторожило Итана и в то же время обнадежило. Может, он сумеет изложить свою точку зрения на случившееся?

– Я тебя слушаю, Арбааз.

– Как ты намерен осуществить задуманное?

– Задуманное... что?

– Освобождение Джайдипа, что же еще. Ты собираешься умыкнуть его из «Тьмы»? Или спасти прямо с места казни? И скольким ассасинам предстоит проститься с жизнью в процессе твоей операции?

На Арбааза было жутко смотреть.

– Вначале я надеялся поговорить с тобой – одним из моих самых давних и дорогих друзей.

Арбааз замотал головой:

– Нет. Никаких дебатов у нас не будет. Должен сразу тебя предупредить: в течение всего срока твоего пребывания в Амритсаре... надеюсь, недолгого... ты будешь находиться под наблюдением. Это делается с целью пресечь все твои попытки освободить Джайдипа.

– Арбааз, а каковы, по-твоему, мои причины освободить Джайдипа? – спросил Итан, придав своему голосу оттенок спокойной рассудительности.

Арбааз пытался поддеть ногтем крохотный сучок в доске стола, словно тот был ядовитой мошкой, способной ужалить.

– Жизнь на Западе сделала тебя мягкотелым. Потому-то братство в Лондоне практически сведено на нет и вы с Джорджем – просто бунтовщики, пытающиеся воевать с крепкой, сплоченной армией тамплиеров.

Ты слаб, Итан. Ты и Джордж позволили английскому братству превратиться в нечто бесхребетное. У вас это называется прогрессивной политикой. И теперь ты думаешь, что я позволю тебе распространить ее и на нас?

Итан подался вперед:

– Арбааз, речь сейчас идет не о противостоянии тамплиеров и ассасинов. Речь идет о Джайдипе.

Арбааз отвел глаза и помрачнел:

– Слушая тебя, я еще отчетливее понимаю, что он должен заплатить сполна за свое...

– За что?

– Неподобающее поведение. – Арбааз заговорил громче. – Да, неподобающее поведение, неумелость и небрежение.

– Но за это его незачем казнить.

– Ты так считаешь? Ты приехал ходатайствовать о помиловании?

Итан пожал плечами:

– Не стану скрывать. Я действительно приехал ходатайствовать о его помиловании, но ты ошибаешься, считая меня мягкотелым и выступающим против жесткой позиции, которую занимаешь ты. Совсем наоборот. Я восхищаюсь твоей внутренней силой и решимостью. Как-никак мы говорим не просто о члене братства, а о твоём сыне. Я не помню случая, чтобы кто-то из ассасинов оказывался в столь трудном положении, в каком оказался ты, когда это положение вынуждает тебя ставить долг выше интересов семьи.

Арбааз бросил на друга резкий косой взгляд, будто сомневаясь в искренности слов Итана. Увидев, что Фрай не лукавит, индеец немного обмяк, и на его лице проступили морщины.

– Я теряю сына и жену, – с нескрываемым отчаянием признался Арбааз. – Пьяра больше не посмотрит в мою сторону. Она недвусмысленно высказалась на этот счет.

– Тебе незачем приносить такую страшную жертву.

– А что еще мне остается?

– Отправить его в изгнание. И не просто в изгнание. Под мой присмотр. У меня для него есть важное дело. В случае успеха это поможет восстановить позиции братства в Лондоне. Задуманное мной требует осторожных, скрытых действий, а Джайдип с его способностями просто идеально подходит для такой работы. Пойми, его смерть бессмысленна. Он может отправиться со мной в Англию, и ваша честь не будет замарана. Да, он подвергнется суровому осуждению, но останется жить. И не думай, Арбааз, что я создам ему те же условия, к каким он привык. Ни в коем случае. Это я могу тебе обещать. Дело, которое я намерен ему поручить, предполагает жизнь в крайне стесненных обстоятельствах. Можешь считать это частью наказания. Тебе незачем рассказывать об этом Пьяре. Просто скажешь ей, что он отправится со мной, поступив в мое распоряжение.

Надеясь на положительный исход, Итан наблюдал, как по лицу его друга скользнула тень сомнения.

– Мне необходимо обсудить это с Хамидом, – задумчиво произнес Арбааз.

– Обязательно, – ответил Итан, подавляя захлестывающее его чувство облегчения.

Арбаазу, конечно же, не хотелось казнить Джайдипа. Итан предлагал ему выход из ситуации, грозившей разрушить его семью. Соглашаясь на предложение, Арбааз сохранял не только жизнь сыну, но и не терял лица.

– И мне думается, Арбааз, разговор с Хамидом пройдет легче, чем тебе кажется. Сегодня я видел Аджая и Кулприт. Если их настроение созвучно настрою всего братства, они, как и мы с тобой, вовсе не хотят казни Джайдипа. Пусть наказанием твоему сыну будет изгнание. Многие считают, что это хуже смерти.

– Нет, – вдруг сказал Арбааз.

– Как тебя понимать? – насторожился Итан.

– Наказанием должна быть смерть.

– Мы же только...

– Дело, которое ты собираешься ему поручить, – по сути, тайная миссия. Тебе же выгоднее, если твоего агента как такового не существует. Кто заподозрит в нем Джайдипа Мира, если Джайдип Мир мертв?

Лицо Итана расплылось в понимающей улыбке.

– Значит, призрак? – радостно спросил он. – Арбааз, это гениальное решение, достойное великого ассасина, каким ты был всегда.

Арбааз встал, подошел к Фраю и вдруг обнял старого друга.

– Спасибо, Итан, – сказал он ошеломленному англичанину. – Спасибо за все, что ты делаешь.

Итан ушел, думая о том, что сегодня неплохо потрудились. Ему не понадобилось вынимать из кармана свой главный козырь – ответное письмо Арбааза, которое наглядно доказывало, что обвинения в неумелости и небрежении нужно предъявлять не Джайдипу, а его отцу. Более того, Итан спас жизнь парню, который был ему дорог ничуть не меньше своих детей. Спас он и брак Арбааза, оказавшийся на грани развала.

А еще у Итана появился тайный агент. И не просто агент, а едва ли не самый многообещающий из всех ассасинов, которых ему доводилось обучать.

Спустя два года Джайдип, а нынче Призрак (по имени и делам), придавил незадачливого любителя развлечений к стылой земле Мэрилебонского кладбища и поднял чужую саблю, чтобы оборвать жизнь этого аристократа.

И в этот момент, как и тогда, в ночь несостоявшегося первого кровопролития, он застыл.

Он вспомнил Дани и тусклый блеск окровавленного отцовского клинка, торчащего изо рта умирающего. Он снова увидел, как жизнь покидает тамплиера и наступает смерть: быстрая, жестокая, не ведающая сожалений. И юноша не мог заставить себя стать орудием смерти для пьяного аристократа.

Последний же увидел в этом свой шанс. Этому человеку никогда не приходилось драться за свою жизнь. Попади он в армию, там его служба проходила бы преимущественно в офицерском клубе, где он пил бы за собственную удачу, а нижние чины отправлялись бы умирать во имя королевы. Но у этого джентльмена, как и любого живого существа, был инстинкт самосохранения, и он говорил ему, что проявление нападающим слабости может быть шансом на спасение.

Аристократ принялся дергаться и извиваться всем телом. Его ляжки ударили по Призраку с такой внезапной, отчаянной силой, что юноша невольно вспомнил, как в свое время объезжал у себя на родине диких пони. Через мгновение его отшвырнуло в сторону. Призрак находился в каком-то оцепенении. Его разум не мог оправиться после проявленной слабости. Сабля выпала из пальцев. Противник сразу же потянулся к ней. С пьяных губ сорвался торжествующий возглас. А затем аристократ бросился на Призрака, готовый без колебаний пустить оружие в ход.

– Ах ты, паршивец, – процедил он, направляя острие сабли на горло юного индийца.

Но сталь так и не коснулась нежной кожи. Слева послышался громкий крик. Из темноты выскочила седовласая женщина. Ее космы развевались на ветру, и старуха, не переставая вопить, налетела на аристократа, толкнув его со всей силы.

Атака была неуклюжей и неубедительной, однако при этом убийственно эффективной. Вскрикнув от удивления и боли, высокородный пьяница потерял равновесие и упал, откатившись к ближайшему опрокинутому надгробию. Он попытался снова взмахнуть саблей, но женщина его опередила. Она что есть силы наступила мерзавцу на правую руку, сломав ее. Другой ногой женщина наступила на лицо аристократа.

Тот с рычанием вырвался. Лицо его блестело от крови. Джентльмен поднялся на ноги, оттолкнув храбрую женщину, и та упала. Левой рукой аристократ потянулся к сабле, готовый вновь броситься на Призрака и довершить начатое, однако юноша, успевший к этому времени прийти в себя, тыльной стороной ладони ударил противника в правое плечо. Тот взвыл от боли, но крик резко оборвался. Призрак нанес второй удар тыльной стороной ладони, сломав аристократу нос. Осколки кости проникли в мозг, вызвав мгновенную смерть.

Злосчастный аристократ упал, гулко ударившись головой о могильный камень, откатился и замер среди пожухлой травы. Из ноздрей потекли струйки крови и мозговой жидкости. Веки дрогнули в последний раз.

Призрак стоял, успокаивая дыхание. Его плечи тяжело вздымались. Рядом, прислонившись к надгробию, лежала старуха. Какое-то время оба настороженно разглядывали друг друга: странного вида седовласая пожилая женщина с исхудавшим лицом, на котором запеклась кровь недавних избиений; и не менее странный индийский парень, не успевший вымыться после своей грязной работы землекопом. Одежда обоих была рваной и грязной. Оба устали. Обоим нужно было зализывать раны.

– Вы спасли мне жизнь, – тихо сказал Призрак.

Его слова вместе с паром, вырывающимся изо рта, таяли в тишине и сумраке кладбища. Женщина, успокоенная тем, что парень совсем не похож на скотов, которые чуть не убили ее, приподнялась на одной руке, морщась от боли.

– Только потому, что вначале ты спас мою, – сказала она, шевеля окровавленными губами.

Эти мерзавцы сломали ей несколько зубов.

Призрак сразу понял, что женщина серьезно ранена. Судя по тому, как она прижимает руку к груди, у нее было сломано ребро или даже несколько ребер. Одно неосторожное движение, и осколок пронзит легкое.

- Вам не тяжело дышать? – спросил Призрак.

Он перелез через тело аристократа, подошел к женщине и принялся осторожно ощупывать ее ребра.

- Эй! – возмутилась она, подумав, что рано успокоилась. – Что это ты себе позволяешь?

- Пытаюсь вам помочь, – ответил Призрак, нащупавший место перелома. – Вам нужно пойти со мной.

- Ишь разбежался. Уж не знаю, что у тебя на уме, но шел бы ты своей дорогой...

- А вы можете предложить что-то другое? Мы с вами находимся в компании мертвеца и троих раненых, один из которых скоро может очнуться. Дружок убитого, возможно, успел позвать полицию или подкрепление. Не исключено, что и тех и других. Вас не только избили, но и сломали ребро. Оставайтесь, если хотите, но я бы советовал вам уйти отсюда.

Женщина продолжала опасливо глядеть на юношу.

- И куда же ты меня зовешь? Никак у тебя есть комната в пансионате? Что-то не похож ты на богатенького паренька.

- Жилье у меня есть, но не в меблированных комнатах, – ответил Призрак с лукавой улыбкой.

Для женщины, которую звали Мэгги, эта улыбка была лучом солнца, пробившегося сквозь густую облачность. Женщина давно уже вышла из возраста, когда заглядываются на молодых парней. Но может, потому, что этот парень спас ей жизнь, а может, из-за его улыбки, похожей на свет солнца и блеск луны, Мэгги поддалась его чарам и отправилась вместе с ним в туннель под Темзой. От парня она узнала, что его зовут Бхарат и что он работает на

строительстве подземки возле Риджентс-Парка.

Мэгги довольно быстро привыкла к жизни в туннеле. По ночам они с Призраком ложились спина к спине – так теплее было спать. Однако мысли у каждого были свои. Мэгги редко думала о людях, встретившихся ей в тот страшный вечер. Одного давно похоронили. Двое других наверняка влачили жалкое существование в лечебницах, окруженные равнодушными лицами врачей и сиделок. Но еще двое уцелели: телохранитель и второй аристократ. Они оба видели Призрака в действии и оба понимали, с каким в высшей степени необычным парнем столкнула их судьба.

17

Когда Абберлайн снова отправился в Белль-Айл, у него в ушах еще звенели насмешки коллег-полицейских.

Не так давно они называли его Усердным Фредди за энтузиазм и неустанное стремление к торжеству справедливости. В этом они были правы: Абберлайн, еще не успевший обзавестись семьей, все силы отдавал работе. Сам он считал коллег лентяями, которые всегда готовы двинуться по пути наименьшего сопротивления и свалить дела на таких, как он.

А что за прозвища дают ему теперь? Фредди-растяпа, Без-телесный констебль, Трупотерятель. Были и другие, более многословные. Однако полицейское остроумие не шло дальше обыгрывания двух слов, одним из которых было слово «полицейский», а другим – «труп». Но от сознания убогости прозвищ легче Абберлайну не становилось. И потом, все эти колкости были отнюдь не беспочвенны. Он ведь действительно потерял тело убитого. Нет тела – нет факта убийства. А это означало...

Абберлайну очень хотелось отыскать исчезнувший труп.

Потому-то он и предпринял второе путешествие в Белль-Айл. На этот раз он поехал туда не на телеге. Абберлайн поступил мудрее и предусмотрительнее, ибо в трюмбах можно ожидать любых сюрпризов. Он пошел туда пешком с мешком на плече. Внутри мешка лежало его тайное оружие.

Констебль быстро достиг той части Белль-Айла, где воздух почти целиком состоял из зловония фабрик и живодерен. Вдобавок обитателей трущоб сегодня накрыло густым туманом. Настоящим трущобным туманом, слою которого угрожающе покачивались и гремели, а внутри кружились хлопья копоти и вихри удушливого дыма. Дыхание дьявола.

То тут, то там Абберлайн различал в тумане фигуры. Ему показалось, что они сбиваются вместе и следят, как он все дальше и дальше углубляется в этот заброшенный мир.

Прекрасно. Все складывалось так, как он и хотел, поскольку дальнейшие его действия требовали зрителей.

Констебль достиг места, где в прошлый раз ребяшня остановила его телегу и где, скорее всего, они совершили подмену, запихнув под брезент тушу мертвого пони.

Абберлайн остановился.

– Эй, на палубе! – крикнул он, удивляясь себе. С чего это его потянуло изъясняться, как моряк? – Уверен, вы меня помните. Я – тот самый ротозей, у которого вы сперли труп.

Может, ему показалось, а может, он и впрямь услышал хихиканье по ту сторону туманной завесы.

– Мне нужно поговорить с парнишкой, который в прошлый раз любезничал с моей лошадью. Чую, вы не сами додумались подменить трупдохлым пони. Вас кто-то на это подбил, и я бы очень хотел знать кто.

Туман молчал, храня свои тайны.

– Он дал вам денег? – допытывался Абберлайн. – Я тоже готов заплатить...

Констебль достал горсть монет и побренчал ею. Это было похоже на тихое дребезжание колокольчика посреди удушающей тишины.

Молчание затягивалось. Абберлайн уже намеревался пустить в ход свое тайное оружие, когда ему ответили. Казалось, голос этот принадлежит не ребенку, а бестелесному призраку:

– Мы боимся того, что он может с нами сделать.

– Понимаю, – ответил Абберлайн, вглядываясь туда, откуда, по его мнению, слышался странный голосок. – Я и не сомневался, что этот человек вам угрожал. Вот только боюсь, что вы сейчас находитесь между молотом и наковальней. Если я уйду отсюда без нужных мне сведений, в следующий раз я вернусь не один. Со мной сюда приедет крытый фургон. Один из тех, что въезжают и выезжают из ворот работных домов... – Для большего эффекта Абберлайн сделал паузу. – Но если я получу необходимые сведения, ни о каких фургонах не будет и речи. Более того...

Опустив мешок, Абберлайн неторопливо развязал его, достав крикетную битку и мяч. Мяч констебль поднял над головой.

– Вы получите еще и это. Хватит играть в крикет головами несчастных котят. Должен сказать, эти штучки стоят приличных денег, но зато они – лучшие среди всех, что есть.

Ему снова ответили. Теперь Абберлайн досадливо вертел головой, пытаясь засечь источник звука.

– Мы боимся того, что он может с нами сделать, – повторил голосок. – Он словно демон.

У Абберлайна участился пульс. Значит, верно тогда сработала его интуиция: с этим убийством не все так просто.

– Я сделал вам предложение, – сказал полицейский, обращаясь к своему невидимому собеседнику. – За готовность мне помочь вы будете вознаграждены, тогда как ваш отказ повлечет за собой печальные последствия. Я не шучу и не запугиваю вас. Я говорю как есть. Кроме крытого фургона... возможно, их приедет сюда несколько... я распушу слух, что получил необходимые сведения. И гнев этого демона... хотя никакой он не демон, а такой же человек, как я... его гнев все равно ударит по вам.

Абберлайн ждал, пока туман примет решение.

Наконец туманная завеса сначала заколыхалась, а затем расступилась, и навстречу констеблю вышел тот самый мальчишка, что в прошлый раз остановил полицейскую лошадь. Грязное лицо. Рваная одежда. Голодный блеск в не детски пустых глазах. По всему чувствовалось, что жизненный путь ребенка будет недолгим. Абберлайну стало не по себе. Этот мальчишка, как и его товарищи, не знал ничего, кроме помыканий и издевательств. Абберлайн устыдился своих недавних слов: он вздумал грозить им работным домом, а ведь угрозы, голод и холод – вот и все, что знали в жизни эти оборвыши.

– Я тебя не трону. Слово даю, – сказал констебль, кладя на землю битую и мяч.

Мальчишка посмотрел на принадлежности для крикета, потом на полицейского. Абберлайн уловил ожидание тех, кто находился по другую сторону тумана.

– Вы сердитесь, что мы утащили у вас труп, – сказал мальчишка.

Казалось, он обдумывает каждое слово, стараясь произносить их поменьше. Видно, жизнь научила помалкивать.

– Ты прав, я совсем не в восторге оттого, что вы подменили тело, – согласился Абберлайн. – Но послушай меня. Я понимаю, почему вы это сделали. Скажу больше: будь я сейчас на вашем месте, я бы сделал то же самое. Я пришел сюда не морали вам читать. Я просто хочу знать правду.

Мальчишка шагнул вперед. Сделано это было, в основном чтобы продемонстрировать растущее доверие к Абберлайну.

– Тут, сэр, особо и говорить нечего. Вы правы. Нам заплатили. Велели попридержать телегу, пока труп меняли на пони. Зачем это надо – нам не объяснили. А мы не спрашивали. Горсть медяков – вот и все, что нам заплатили за кражу трупа.

– А револьвер?

– Сэр, я никакого револьвера не видел.

- Он лежал в кармане мертвеца.

- Значит, там и остался.

- Куда перетащили тело?

Мальчишка понурил голову. Его рука ткнула в направлении живодерни, которую сейчас закрывал смог.

- Наши видели: тот человек затащил труп туда, а сам быстро вышел, уже без трупа.

- Как выглядел этот человек? - спросил Абберлайн, безуспешно пытаясь скрыть охватившее его волнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Известная английская просветительница XIX века, немало сделавшая для организации и развития службы сестер милосердия. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

На лондонской улице Пэлл-Мэлл, в доме № 14, в те годы находился оружейный магазин, торговавший револьверами Кольта.

3

В английском языке слова рифмуются: «Trains in drains».

4

Стихотворение, написанное известным английским поэтом Альфредом Теннисоном в 1854 году. Оно посвящено одному из эпизодов Крымской войны – атаке бригады британской легкой кавалерии на позиции русских войск; атаке героической, но совершенно бессмысленной.

5

Александр Бернс (1805–1841) – английский дипломат. Уильям Слимэн (1788–1856) – английский военный, начальник колониальной администрации. Известен своей непримиримой борьбой с индийской сектой душителей.

Купить: <https://telnovel.me/ru/oliver-bouden/assassin-s-creed-preispodnyaya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)